

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КИРА ОЛЛИС

18+

КНИГА 2

ЭФФЕКТ ДОМИНО

ГРЕШНИКИ

Кира Оллис

Эффект домино. Грешники

«Автор»

2023

Оллис К.

Эффект домино. Грешники / К. Оллис — «Автор», 2023

Спасение Кассандры ставит под удар не только карьеру Брайана, но и жизнь многих людей. Опасное влечение, сумасшедшая тяга и греховная страсть накрывают их обоих с головой. Но стоит ли возрождать чувства, похороненные в далеком прошлом, если против них играют новые обстоятельства? Смогут ли Брайан и Кассандра выйти из этого порочного круга вместе несмотря на непредвиденный ультиматум? ДИЛОГИЯ. КНИГА ВТОРАЯ

© Оллис К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ГЛАВА 1 ПОБЕГ	5
ГЛАВА 2 КЛИН КЛИНОМ	10
ГЛАВА 3 СЕМЬЯ	13
ГЛАВА 4 ПРОПАЖА	18
ГЛАВА 5 ПЕРЕПИСКА	23
ГЛАВА 6 УГРОЗА	27
ГЛАВА 7 РАЗГОВОР ПО ПРАВИЛАМ	30
ГЛАВА 8 ЖУЧОК	35
ГЛАВА 9 ПАЛАЧ	38
ГЛАВА 10 СДЕЛКА	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Кира Оллис

Эффект домино. Грешники

ГЛАВА 1 ПОБЕГ

Книга вторая. Первую книгу можно найти здесь: <https://www.litres.ru/book/kira-ollis-32636929/effekt-domino-padenie-69928945/>

Брайан

Так дело не пойдёт. Если я сорвался один раз, это обязательно повторится снова, поэтому нужно срочно что-то решать с дальнейшей судьбой Кассандры. Её нахождение в моём доме небезопасно как для неё, так и для меня. Да, меня ждёт крайне неприятный разговор из-за того, что мне пришлось втянуть в свою деятельность ещё одно действующее лицо, нарушив всевозможные инструкции, но это меньшее из всех зол.

Ещё одна проблема в том, что мне нельзя покидать Лос-Анджелес без веской причины, и не поставив в известность Дона, не говоря уже о том, чтобы свалить куда-то одному. В таком случае я сразу стану мишенью для всей группировки. В том числе и для этого мне нужна Ханна. Она – мой пояс верности мафиозной семье, который приходится надевать всякий раз, когда мне нужны вот такие поездки. Последний раз это был лжеотпуск в Майами почти год назад. Теперь придётся тащить её в Вашингтон.

Прошерстив ночью десятки сайтов бьюти-индустрии, я нашёл то, что искал: отличную приманку для дочери Робертса. С учётом её зашкаливающего тщеславия всё должно быть сыграно, как по нотам.

Встав с утра пораньше, я съездил в город за необходимыми покупками для Кассандры и уладил одно очень важное дело. Возможно, меня не будет несколько дней, поэтому, предвосхищая требования Колючки, решил подготовиться заранее.

Отдаю себе полный отчёт в том, каким ублюдком буду выглядеть в её глазах, но иного выхода я просто не вижу. Всё зашло слишком далеко, и к чему я пришёл? Только к осознанию того, что помешан на ней, как и раньше. Если не сильнее... Воспоминания о прошлой ночи, одолевающие меня ежеминутно, только доказывают правильность принятого решения. Она должна отсюда уехать. И чем дальше, тем лучше.

Над столовой сгустились чёрные тучи. Разве что дождь с потолка не полился. За обеденным столом сидит мрачная Ханна, как обычно, читающая что-то очень важное в телефоне. Возле плиты задом ко мне стоит Кассандра, но даже сквозь затылок я вижу выражение её лица. К сожалению, за эти годы я не разучился чувствовать её настроение. Между девушками сверкают разряды молнии, запущенные той, что так усиленно размешивает в кастрюле какое-то варево. Могу представить, о чём она думает: о том, что я сволочь, трахающая всё, что подаёт признаки жизни.

– Доброе утро, – здороваюсь с приподнятой интонацией и по неизменной привычке целую свою девушку в макушку.

– Hola, – не поворачиваясь, отвечает моя «домработница». Её приветствие было произнесено таким тоном, что я его перевёл бы как: «Пошёл к чёрту».

Кто-то встал не с той ноги?

Ханна предсказуемо оживляется. Иногда даже раздражает её «навсёсогласие» и излишняя уступчивость. Я действительно виноват перед ней, а она смотрит так, будто просит прощения. Смотрю в голубые глаза с улыбкой, а сам копошусь в себе, пытаюсь понять, почему

я ничего не чувствую к этой невероятной красотке с модельной внешностью? Всё при ней: манеры, фигура, покладистый характер, если не считать вчерашней сцены ревности. В общем, мечта любого мужика, который хочет дома видеть дом, а не пилораму.

Но тянет непреодолимо к другой. От которой не знаешь, чего теперь ожидать. Которая не любила меня или любила недостаточно сильно, чтобы доверять так, как ей доверял я. Да и о чём, собственно, речь? Она никогда не произносила тех самых трёх слов в открытую. В нашей паре я был влюблённым дурнем, который сам придумал взаимность с её стороны, романтизировав нашу связь и сочинив сказочки про птиц и чёртовы полёты. Я не стал перекрывать рисунок на теле только по этой причине: чтобы никогда не забывать обещания, данные самому себе.

То, что произошло между нами вчера, не должно ничего поменять в наших жизнях. Да, было кайфово, даже отрицать не стану, ну и что с того? Я должен думать верхней головой, а не нижней. Не подросток, в конце концов.

К тому же, по пути домой Кассандра вкратце объяснила, как докатилась до выступления на сцене, и мне даже стало немного стыдно за свою ярость. Совсем чуть-чуть. После её слов я ещё больше уверился в том, что с её стороны это был элементарный выплеск адреналина от страха быть пойманной. Любой психоаналитик подтвердит, что это вполне естественная защитная реакция организма.

– Как настроение? – лебезит передо мной Ханна, собственнически укладывая ладонь на моё бедро, как только сажусь рядом.

– Замечательное. Ты уже позавтракала?

– Нет, эта твоя Мария готовит завтрак со скоростью улитки. Долго она будет тут ошиваться, Брайан?

– Потерпи немного, – кошусь на «улитку», которая на моих словах стала мешать ложкой ещё медленнее. – Скоро решу этот вопрос. А в чём дело? Её не видно, не слышно.

– Сама не знаю. Просто она меня напрягает.

– Значит, самое время напряжение снять, – подмигиваю ей, слегка улыбнувшись. – Может, съездим куда-нибудь в мини-отпуск, пока твоего отца нет? – закидываю свою удочку.

В этот момент Кассандра слишком громко стучит ложкой по кастрюле и, наконец, вылавливает оттуда какую-то белую хрень, которую выкладывает на тарелку и ставит перед носом Ханна. Повар из неё стал «отменный», конечно. Не удостоив нас даже коротким взглядом, она сразу разворачивается, отчего подол её платья вихрем приподнимается, обнажая смуглую кожу её бёдер. Чёрт.

Она явно не в духе. Ревнует или просто задето женское самолюбие?

Каково это – играть второстепенную роль, Кассандра?

– Правда? Конечно! Когда? Давай прямо сегодня! – Ханна начинает радостно тараторить, вынуждая вспомнить о деле.

Специально кладу свой смартфон поближе к Ханне и начинаю смотреть погоду на ближайшие дни. В это время на экране «случайно» всплывает реклама о грядущем мастер-классе стилиста, прославившегося на весь мир. Знаю, что Робертс хотела вывести свою сеть салонов на уровень, который отличал бы их от основной массы. Такой шанс она точно не упустит.

– Достала реклама этих парикмахеров, – бормочу под нос. – Это не тот, про которого ты мне все уши прожужжала? – сую дисплей ей под нос.

– Тот... – Ханна выхватывает телефон из моей руки и по мере пролистывания информации её глаза становятся всё больше. – Брайан! Он даёт единственный мастер-класс уже завтра! Но в Вашингтоне... – она резко снижает, прикусив палец, и задумывается.

Давай-давай. Соображай быстрее!

Пока она взвешивает все за и против, отхлёбываю из своей чашки кофе, который, мать его, оказывается крепким чаем. У меня аж язык немеет от его терпкости.

– Мария, ты ничего не перепутала? – спрашиваю свою «домработницу», переходя на испанский.

– Нет, а в чём дело? – Она продолжает невозмутимо натирать столешницу, то наклоняясь ниже, то снова выпрямляясь. Вроде бы такое простое действие, наверняка, без всякого умысла, но оно явно нравится моим грёбаным тестостеронам.

– Ты прекрасно знаешь, что я не пью чай.

– Правда? Мне показалось, тебе нравится разнообразие. Не один же кофе всю жизнь хлебать!

Сделав вид, что не понял её намёк, с довольным видом откидываюсь на спинку стула и отвечаю:

– Для разнообразия мне достаточно в кофе что-нибудь добавлять: сливки, например.

Кассандра застывает, но не успевает ничего ответить, потому что её перебивает восклицание Ханны:

– Брай, котик! Поехали в Вашингтон! Пожалуйста-пожалуйста! Какая разница, где проводить отпуск, правда?

Сдвигаю брови к переносице:

– Серьёзно? И чем я буду заниматься в отпуске, пока ты будешь ходить по мастер-классам, делая селфи с этим Лабутеном?

– Его зовут Кристофер Лабутс, – закатывает глаза. – Не будь такой занудой! Пока ты покайфуешь в спа-комплексе отеля, я улажу все свои дела. Представляешь, как взлетит рейтинг наших салонов после такой рекламы?

Молчу, выжидая несколько секунд. *Ничто так не усиливает желание, как томительное ожидание.*

– Ладно, уговорила. Пойду пока с билетами разберусь.

Пока ликующая Ханна принимается за звонки своим администраторам, осталось уладить последнее дело:

– Ven a mi oficina en diez minutos (Прим. авт.: Зайди ко мне в кабинет через десять минут), – бросаю насупленной Кассандре, выливая остатки гадости в раковину.

Кассандра

Через двадцать минут вхожу в кабинет Брайана. Все стратегии по возрождению нашей любви, так тщательно выстраиваемые мной в течение половины бессонной ночи, разбились об его «Доброе утро», сопровождаемое нежным поцелуем в обесцвеченные волосы Ханны. Это чмоканье было таким громким, что, даже стоя задом, я представила, как он это делает. *Отличное показательное выступление, Кроу.* Удивительно, но мой боевой дух, наоборот, начал разрастаться до поразительных масштабов. Мы ведь оба понимаем, что он пытается делать: убедить меня и себя в том, что обратного пути нет.

Есть. Уверена, что есть. Жаль, что я не распознала этого ещё тогда, в восемнадцать. Какая же я была глупая, закомплексованная и неуверенная в себе настолько, что так легко сдалась от его слов, сказанных в порыве отчаяния. Мне нельзя было бросать его в горе, а именно это я и сделала. Даже если бы Брайан мне не поверил, я была обязана хотя бы попытаться объяснить. Трусиха... То, что я сбежала в другой город, стало последним гвоздём в крышке моего гроба, а теперь он проржавел настолько, что придётся приложить титанические усилия, чтобы из него выбраться.

– Ты перестала понимать испанский? Заставляешь себя ждать, – огрызается Кроу на испанском, сидя в кресле за столом, как генеральный директор какой-нибудь всемирной корпорации. Ему идёт, кстати.

– Обслуживала твою подружку, – с беспечным видом пожимаю плечами, усаживаясь на небольшой диванчик возле рабочего стола.

Брайан бросает мимолётный взгляд на мои бёдра, слегка оголившиеся при закидывании ноги на ногу, и настороженно прищуривается, пытаясь разгадать мои мысли. Но я их ему пока не покажу. Ещё не время. Настала пора играть по его же правилам.

– Меня не будет несколько дней, – зачем-то оповещает, расслабленно подперев щёку кулаком.

– Ясно.

– Я могу быть уверен в том, что ты будешь паинькой?

– Что ты имеешь в виду?

– Просто не высовывайся из дома. Сегодня придёт Лорен, а через два дня мы вернёмся, так что не успеешь соскучиться.

– И не собиралась скучать, – безумно хочется и дальше препираться с ним, но вовремя себя останавливаю. Меня интересует другое: – Зачем тебе в Вашингтон? Я же не дура, Кроу.

– А я обязан тебе докладывать о своих перемещениях?

Как же тяжело бодаться с ним, Господи. Глубоко вздыхаю, отводя взгляд в сторону огромного книжного шкафа. Неужели до сих пор читает книги?

– Не обязан, но, мне кажется, я имею право получить некоторые ответы.

– Тебе кажется.

– Хоук! – не выдерживаю я, обращаясь к нему так, как он велел ещё в первый день. – Мне нужно элементарно увидеться с мамой. У меня нет никаких источников связи с внешним миром. Я хочу хотя бы позвонить ей!

– Это опасно, – немного смягчается он. – С твоей матерью всё в порядке, верь мне.

– А отец? Что ему нужно от того человека, который хочет меня убить? Вернее, убил...

– Власть, деньги, бизнес, город... Выбирай любой вариант – и он будет верным.

– И сколько ещё ты будешь меня прятать? Где та финишная черта, которая положит всему конец?

Откинувшись на спинку кресла, Брайан скрещивает пальцы на животе и принимает задумчивый вид.

– Я ведь вижу, что это всё... – продолжаю я, небрежно обведя рукой окружающее пространство, – не твоё. Это – не ты! Если бы ты и правда работал на тех людей, о которых говоришь, я бы уже покоилась в земле.

– Мария, – произносит моё ненастоящее имя с нажимом, – ты даже не представляешь, во что оказалась замешана, и я собираюсь это исправить. Потерпи несколько дней.

– Ты для этого едешь в Вашингтон? Что там или кто?

Стиснув губы, он молча встаёт из-за стола и принимается собирать с него бумажки. Затолкнув их в ящик, следом забрасывает смарт-ключ от BMW, и достаёт оттуда какой-то пакет. Он взвинчен настолько, что это ему даже не удаётся скрыть. Быстро подойдя ко мне, вручает его, и снова уходит на прежнее место. Такое чувство, что ему сложно даже дышать рядом со мной. *Я тебя понимаю, Брайан.*

С любопытством заглядываю в пакет, в котором обнаруживаю желанный телефон, прокладки, тампоны и какой-то медицинский препарат с неизвестным мне названием. Растерянно верчу его, будто это как-то облегчит моё понимание.

– Достаточно одной таблетки, – поясняет Брайан холодным тоном.

– Для чего достаточно?

Где-то глубоко внутри до меня начинает доходить, к чему он клонит, но, видимо, защитные механизмы моей психики пытаются бороться с этим поганым чувством ненужности, вцепляющимся мёртвой хваткой в каждый орган моего тела. Бесстрастный взгляд Кроу словно гнётом придавливает меня к дивану, превращая в неподвижную куклу. Заставляю себя хотя бы моргнуть, но даже это простейшее действие мне не даётся. Брайан сам жёстко обрубаёт натянутую между нами нить, озвучивая то, о чём я не осмеливаюсь подумать:

– Для того, чтобы наш случайный срыв не имел последствий.

ГЛАВА 2 КЛИН КЛИНОМ

Брайан

В Вашингтон мы прилетаем в тот же день практически ночью. Благодаря куче бабла, поступившего на счёт «Лабутена», место на его мастер-классе, на который уже был закрыт набор, чудесным образом появилось. С нами отправились ещё две сотрудницы Ханны, которые и будут брать у него уроки. Если бы я был обычным человеком, клал бы я на такой интересный отпуск с прибором, но сейчас ситуация вынужденная, так что даже на руку, что моей девушке будет не до меня.

Когда мы заезжаем в пафосный отель чуть ли не в шаге от Капитолия, моё единственное желание: брякнуть на что-то горизонтальное и забыться мёртвым сном. Меня устроил бы даже хостел с десятью иммигрантами под боком – настолько я вымотан. И речь не о физической усталости, конечно.

Чтобы Ханна не донимала меня пустыми вопросами, в самолёте я сделал самую банальную вещь на свете: напялил маску для сна, взятую из пассажирского набора, и притворился спящим. Но вместо сновидений, уносящих в мир забытья, я видел перед собой только карий взгляд, полный осуждения и, что самое жуткое, испуга... Так Кэсси смотрела всего лишь раз: когда я обвинял её в смерти своих родителей. Её не вводил в ужас даже пистолет, приставленный Мэддоком в автобусе, но напугала крохотная таблетка.

Единственный вопрос, которым я задавался на протяжении всего пятичасового перелёта, так и не уснув, не совершил ли я ошибку? Как показала личная практика, убийцей быть несложно, а каково быть убийцей собственного нерождённого ребёнка?

Никогда не был поклонником бухла, но сегодня чувствую в нём острую необходимость, поэтому, как только заходим в наш номер, отправляюсь напрямик к бару. Выуживаю бутылку с коричневой жидкостью и, не прочитав название на этикетке, до верха наполняю стакан, услужливо приготовленный для гостей. Со сноровкой матёрого алкаша заливаю в себя сразу всё содержимое. Глотку неприятно обжигает, но я хотя бы отвлекаюсь от паскудных мыслей. Давно мне не было так паршиво от самого себя.

– Брай, что с тобой происходит? – раздаётся рядом обеспокоенный голос Ханны.

Она тоже боится. Только не меня, а осознания того факта, что я не принадлежу ей. Вижу по взгляду, мечущемуся между моими глазами и бутылкой, как оказалось, бренди. *Любишь меня, девочка, знаю, потому что то же самое испытываю и я, за одним исключением: все мои страхи связаны не с тобой.*

– Ничего. Просто устал, – наполнив стакан второй раз, сажусь на край кровати и продолжаю заглушать потерю, которой ещё даже не случилось.

– Я ведь вижу. Ты отдаляешься от меня. Что не так?

О, «пила» подъехала, а я уже начал переживать, что Ханна идеальная. Видно, у женщин это в крови. Просто некоторые пилят – родные и любимые и даже пилят как-то сладко, а некоторые – действуют на нервы.

Залпом осушаю стакан, не понимая, как я смог проглотить этот горлодёр без закуски. Дрянь, но эффект не заставляет себя долго ждать: конечности наливаются приятной тяжестью, напряжённые мышцы расслабляются, а в голове появляется чувство лёгкости. Хмыкаю. Надо думать! Алкоголь убивает клетки мозга. Видно, те, которые пали смертью храбрых, оказались тяжёлыми.

– Я перестала тебя привлекать? – никак не уgomонится Робертс-младшая.

– Детка, иногда усталость – это просто усталость. Без всякого скрытого подтекста. – Не глядя на неё, встаю с места и, убрав стакан, начинаю стягивать с себя вещи.

– Всё изменилось с тех пор, как она появилась в твоём доме.

Лучше бы ты была поглупее, Ханна. Тебе было бы куда легче жить. Говорю, конечно же, не это:

– Ханна. Ещё вчера ты меня ревновала к какой-то девке из клуба, сегодня уже Марию приплетаешь? Ты хотя бы определись, в чём конкретно меня обвиняешь. – Резко откидываю одеяло и ложусь в постель, даже не приняв душ после дороги. Держу пари, стоит мне снять с себя трусы, как ко мне присоединится и подружка. Будет слишком по-свински трахаться с ней, когда моё тело ещё не покинул запах другой женщины. Пусть и иллюзорный... *Что делает сейчас Кассандра, интересно?*

– То есть это нормально, что уже несколько дней мы с тобой живём, как престарелая пара?

– Не преувеличивай. Завтра мы навестаем, – и с протяжным зевком ложусь на живот, утыкаясь лицом в подушку.

Хочу снова погрузиться в темноту, чтобы увидеть её глаза. Моё персональное наказание, которое я с радостью готов принимать снова и снова, пока не свыкнусь окончательно и не перестану мучиться угрызениями совести.

– Бра-а-ай, – Ханна залезает на меня сверху и начинает томно дышать в область шеи, разгоняя толпу мурашек вниз по спине. – Ты можешь просто лежать. Я всё сделаю сама.

Несколько секунд, в течение которых она елозит на моей заднице, я раздумываю над её предложением. Может, «клин клином вышибают» – не такая уж и плохая мудрость? Сдаюсь и переворачиваюсь на спину, сжимая упругие бёдра девушки. Она снимает через голову своё мини-платье, оставаясь в одних трусиках. Бренди, похоже, начал всю гулять по моему организму, потому что изображение перед глазами слегка плывёт. Пытаюсь сосредоточиться на лице Ханны, но и оно куда-то ускользает от меня, как бы я не пытался ухватиться за эту точку опоры. Поэтому решаю просто закрыть глаза и получать удовольствие.

Кассандра

Я потеряла счёт времени, пока глазела на свою раскрытую ладонь с маленькой белой «гранатой», которую мне всучил Брайан, выдернув перед этим чеку. Наш однократный секс, может, и не будет иметь «последствий», как выразился Кроу, но отчего-то на душе так гадко, будто сейчас своими раздумьями я предаю что-то особенное и важное. Гораздо более важное, чем моя собственная жизнь. Настолько значимое, что даже поиск оправданий мнимому презрению Брайана теперь кажется ничтожной чепухой. *Дурак, ты хоть осознаешь, что творишь?*

– Привет, Мария! – выпрямляюсь по стойке смирно, пугаясь голоса Лорен, так внезапно ворвавшегося в мои тревоги.

– Hola (*Прим. авт. Привет*), – натягиваю на себя приветливую улыбку, быстро сжимая пальцы в кулак.

На этом наше общение заканчивается. Спасибо «языковому барьеру», иначе в данную минуту я всё равно не смогла бы поддержать разговор из-за полной сумятицы в мыслях. Пока эта веселушка, напевая себе под нос, принимается за свои кухонные дела, незаметно ретируюсь в свою комнату, чтобы избежать встречи с Кроу и, тем более, Ханной. Пусть они сначала укатят в медовый отпуск, а потом я вылезу из своей «кельи».

Спустя несколько часов ничегонеделанья и просверливания дыры в потолке над моей головой я покидаю своё укрытие. В доме стоит гробовая тишина, а это значит одно: они уехали. И это очень-очень хорошо, потому что не думаю, что в самолёте у Кроу будет возможность наблюдать за мной через свои шпионские штуковины в режиме реального времени.

Он просил меня быть пайнкой? «Бегу, теряя кроссовки» – фраза Брайана, которой я тоже имею право воспользоваться. Мне позарез нужно выяснить, чем он занимается, поэтому решительно вхожу в его запретный кабинет и иду сразу к книжным полкам, которые манили меня ещё утром. Машина-убийца и по совместительству книголюб? Так я и поверила.

До поступления в университет я почти два года работала мерчандайзером в крупном супермаркете. Знаете, на какие полки выкладывают самый залежалый или дорогой товар? На те, что находятся на уровне лица или на расстоянии вытянутой руки, потому что такие продукты раскупают в первую очередь. Какую полку выбрал бы Брайан, если бы захотел спрятать что-то ценное от грабителей или таких любопытных особ, как я?

Самую заметную?

Постояв некоторое время перед массивным стеллажом, принимаю решение начать с ряда, расположенного чуть выше меня – как раз на уровне глаз Брайана. Пробегаю пальчиками по корешкам разнообразных книг, поражаясь его коллекции. В основном, это литература по психологии, философии и классика. Взгляд цепляется за фолиант «По ту сторону добра и зла» Фридриха Ницше. Болезненно морщусь от воспоминаний о том дне, когда Брайан впервые признался мне в любви на пляже. Цитата о бездне и чудовищах как раз из этой книги. Тогда он просто посмеялся над моими умозаключениями, но ведь так и вышло: я невольно утащила этого чудесного человека за собой в свою бездну...

Открыв затёртую обложку, принимаюсь листать пожелтевшие страницы. Издание тридцатых годов прошлого века. С ума сойти. Где он взял этот раритет? Сама не знаю, что я ищу. В фильмах видела, как в книгах прорезают страницы и прячут какие-нибудь ключи. Вдруг Брайан тоже сделал что-нибудь в этом духе? Перевернув последний лист, закрываю книгу ни с чем. Никаких пометок или выделенных слов. Вполне возможно, у меня паранойя и я занимаюсь напрасными поисками, но делать мне всё равно нечего, так почему бы и нет? И, если честно, до чёртиков хочется перечитать Кроу, нарушив запрет на вход в его кабинет. Знаю, что позже он просмотрит видеозаписи и узнает о моей пронырливости, но мне не страшно. Что он мне сделает?

Убираю книгу на место и продолжаю поиски. Не знаю, откуда взялась эта уверенность, но я убеждена, что почувствую, как только окажусь на верном пути. Здесь, по меньшей мере, пара тысяч книг, и тайник, если таковой существует, может скрываться среди любой из них. Тем не менее я пропускаю те, что не вызывают во мне никакого интереса. Брайан Кроу – до жути щепетильный и находчивый человек, и то, что мне запрещено сюда наведываться, только доказывает тот факт, что он знает: я могу догадаться. Или он просто помахал этим запретом, как красной тряпкой, только чтобы выяснить, пройду ли я проверку. Что ж, вынуждена его разочаровать.

К вечеру у меня начинает рябить в глазах, но я не хочу отсюда уходить, поэтому, когда со всеми полками в пределах моей досягаемости покончено, придвигаю стул и, забравшись на него, принимаюсь за исследование книг повыше. Похоже, теория с мерчандайзингом с треском провалилась. О чём мог думать Брайан, когда прятал то, что я ищу? Тут два варианта: «Мысли, как вор, и сделай наоборот» или «Мысли, как вор, и обведи его вокруг пальца».

Смеюсь вслух от своей глупости, ведь я сейчас занималась тем, что делает типичный домущник: шарит по книгам. Ладно хоть под матрас не додумалась заглянуть. Но хихикаю я ровно до тех пор, пока меня не притягивает к себе одно очень знакомое название: «451 градус по Фаренгейту». Моя любимая книга школьных времён. Руки начинают дрожать, потому что я каким-то шестым чувством знаю: это она. Сердце пускается вскачь, но я, не мешкая, хватаю издание с полки и сажусь с ним прямо на пол. Повертев книгу в руках, делаю вывод, что он её никогда не читал: все листочки один к одному, вот только нижние уголки обложки слегка потёрты, как будто эту книгу часто выдвигали с полки и задвигали обратно.

Меня осеняет минуты через две, и я начинаю хохотать, как полоумная, разлёгшись прямо на полу.

Ну, конечно! Как я сразу не сообразила?

Тайник не в книге, а за ней.

ГЛАВА 3 СЕМЬЯ

Брайан

Утро меня встретило отвратным чувством не только во рту, но и в мыслях. Ханна умотала на свой мастер-класс, не разбудив меня привычными ласками. Наверняка обиделась. Ещё бы! Я сам на себя обижаюсь после сегодняшней ночи. Стоит только вспомнить, как член позорно обмякал в её влажном рту, не следуя моим мысленным приказам: «А ну, вставай!», как разочарование разгорается с новой силой. Слабо стать моральным импотентом в двадцать шесть? Моральным, потому что в физическом плане, оказывается, всё у меня в порядке. Стоя под душем, успел в этом убедиться. Наверняка бренди был палёным. Чем ещё объяснить мой пролёт? Не так уж много я и выпил для отказа жизненно важных органов.

В фирменном костюме службы доставки пиццы и с большой термосумкой на спине подхожу по нужному адресу. Нехило устроился Макс: личные апартаменты в районе Дюпон сёркл, одном из самых дорогих, оживлённых и тусовочных. Чувствуется рука Лили в выборе. Мой брат, скорее, предпочёл бы жить где-нибудь на окраине, как и я, чтобы чужака заприметить издалека.

Ни разу не был здесь, но код от парадной двери знаю, поэтому уверенно вхожу внутрь.

– Доставка для Кроу, в пятьдесят пятую, – опережая спохватившегося консьержа, отвечаю на его непроизнесённый вопрос.

Пока еду в лифте наверх, настроение тоже слегка поднимается. Так со мной всегда бывает, когда я ненадолго возвращаюсь в свою прежнюю оболочку. Макс должен приехать сюда во время ланча, а я специально пришёл раньше обещанного, чтобы подшутить над ним, встретив во всей красе. Надеюсь, он успеет понять, что это я, раньше, чем пустит пулю в лоб. Встав перед их дверью, предусмотрительно осматриваюсь по сторонам, после чего шустро отмыкаю дверь своим ключом и переступаю через порог.

Я здесь впервые, но, где бы ни находились члены моей семьи, у них всегда чувствую себя, как дома, поэтому смело кидаю на пол короб, от которого у меня уже вся спина вспотела. Ну и работёнка у этих доставщиков! То ли дело – моя. Усмехнувшись собственной дебильной шутке, принимаюсь осматриваться в супружеских хоромаш. Обстановка, конечно, скудновата, но не моё дело. Взглянув на наручные часы, наливаю себе воды из графина, стоящего на барной стойке, но так и замираю с полным ртом, потому что совершенно точно слышу голос Макса, немного приглушённый из-за закрытой двери. Но охренел я не от этого, а от его слов: «Я бы на твоём месте поторопился, пока не вернулась моя жена. Она и пристрелить может».

Нет, мне однозначно показалось. И почему он дома? Бесшумно подхожу к той комнате, за которой слышится шёпот вперемешку с причмокиваниями. Без стеснения заглядываю в узкую щель не до конца запертой двери, и меня аж перекашивает от увиденного. Брюнетка в деловом костюме, раскачивающаяся на коленях Макса, не оставляет никаких сомнений: мой брат – чёртов потаскун. Ублюдок. Даже года не прошло со свадьбы! Отворачиваюсь, не желая становиться свидетелем этой мерзкой картины.

В негодовании отправляюсь снова к барной стойке, чтобы как следует подготовить кулаки. Приводить сюда какую-то б**дь? И это после всего, что они с Лили пережили? Сука... С той стороны начинают доноситься красноречивые стоны, ещё больше разжигающие во мне злость. Надеюсь, с этой прошмандовкой он не станет долго возиться.

Спустя полчаса моих скитаний по гостинной я пожалел, что не стащил эту девицу силком сразу. Просто не хотел лицезреть восставшее хозяйство своего брата, а теперь приходится расхаживать под это музыкальное сопровождение. Когда все звуки стихают, с выдохом подхожу к той комнате, которая оказалась кабинетом, и готовлюсь к тёплому приёму. Хотел же сюрприз устроить? Будет ему сюрприз. И очень запоминающийся. Когда в проёме появляется мужская

рука, действую молниеносно: впечатываю свой зудящий кулак в скулу Макса, как только он открывает дверь пошире. Он даже понять ничего не успевает, отшатываясь на шаг назад.

– Привет, братишка! Это тебе за Лили, – злорадно приветствую брата, отряхивая свои ладони друг об друга.

– Ты рехнулся? – Он какого-то чёрта кидается на меня, пытаюсь дёрнуть вверх за воротник спецовочной рубашки, словно не заслужил моих нападков. В глазах полыхает ярость вперемишку с шоком. – Тебе мафиозники все мозги отшибли, придурок? – цедит сквозь зубы, пока я копирую его же захват.

– Брайан? – взлохмаченная Лили выглядывает из-за плеча Макса, прикрываясь блузкой. Без всякого сомнения, она по-прежнему блондинка.

– Не понял. – Сбитый с толку, тычу в неё указательным пальцем, отпустив оттянутый воротник не до конца застёгнутой рубашки брата. – Что она тут делает?

– Она моя жена, идиот!

– Поверить не могу, что ты всё это время подслушивал! – Одной рукой Лили толкает меня в плечо, а второй прикладывает замороженный стейк к щеке взбешённого Макса.

– Чёрт, я виноват, признаю. – Поднимаю обе руки в капитулирующем жесте, складывая брови домиком, чтобы хоть немного их разжалобить. На полном серьёзе, мне никогда в своей жизни не было так стыдно.

Брат демонстративно смотрит в окно, а его жена мне подмигивает, пока он не видит, и одними губами произносит «Спасибо». *Ну да, я же вроде как за неё заступился.*

– Лили, я всё вижу, – басит Макс, отстраняясь от её руки, и отходит к кофемашине.

Мы с ней как по команде поворачиваем головы к окну и встречаемся со своими отражениями в тонированных окнах. Да, это фиаско.

– Бро, ну, считай, что это было генеральной репетицией перед тем, как ваши любопытные дети начнут без стука вламываться к вам в спальню.

– На этой ноте я, видимо, *тоже* должен сказать «спасибо»?

– Да брось! Мне теперь на коленях ползать из-за этого недоразумения? Откуда мне было знать, что вы решите остаться дома и устроить игрища с переодеванием? Хотел сюрприз устроить. И да, я ничего не видел. – Развожу руками.

– Зато слышал.

– Да вас разве что в космосе не было слышно.

– Брайан, лучше бы тебе помолчать, – Макс дёргаными движениями высыпает зёрна, рассыпая часть на стол. Лили хватает одно из них и кидает в меня, смущённо хихикая. Ладно хоть она – мой соратник и не держит зла.

– Кстати, что за маскарад? – спрашивает он, кивая на мой ярко-салатовый костюм доставщика.

– А ты как хотел? Чтобы я к вам пришёл с табличкой: «Член калифорнийской группировки»?

– Тебе бы пошло. Только без двух последних слов, – огрызается Макс. *Ух и злопамятный!*

– Так, вы утомонитесь, нет? – вмешивается Лили в нашу перебранку. – Давайте забудем уже? И мне пора на работу. Надеюсь, вы не раздерётесь, пока меня не будет?

Поцеловав на прощанье Макса, она покидает нашу компанию. Наблюдаю, каким взглядом провожает её спину мой брат, и не могу сдержать смешок. Ну, хоть отошёл немного, а то я уже начал жалеть, что приехал.

– Давно виделся с Глорией? – спрашивает мрачным тоном, пока сооружает нам по сэндвичу. – А то я ей как ни позвоню, она отделяется дежурными фразами. Тебе она больше доверяет.

– Давно. Не разговаривает со мной после очередной ссоры по видеозвонку. Ходит хвостом за своим клоуном в надежде, что он выделит её среди толпы поклонниц. – *Глория работает гримёром у одного музыканта-уиллёнка, который кроме себя любит разве что свой микрофон. В общем, понятно без лишних слов: я его на дух не переношу.*

– Брайан, ты её когда-нибудь задушишь своей опекой. Отстань уже от неё, а?

Опять двадцать пять. Игнорирую его наставление.

– Лучше ты расскажи, как докатился до такой жизни, – усмехнувшись, лениво машу рукой на его отутюженный костюм. – Ты всерьёз решил стать офисным планктоном?

– Умеешь ты подбирать слова, – хмыкает он в ответ. – Между прочим, мою кандидатуру выдвинули на пост заместителя директора нацразведки, – и по-деловому отпивает свой кофе.

– Ничего себе новости! – присвистываю. – А ну, дай пять!

Макс, широко улыбаясь, протягивает мне ладонь, но я встаю и вместо пожатия хватаюсь за неё и тяну этого умника на себя прямо через стол, чтобы приобнять. Как только чувствую его ответные похлопывания по спине и слышу довольный смех, меня, наконец, отпускает тяжесть вины за сегодняшнюю выходку.

– Горжусь тобой, – добавляю, наконец, отлипая от него.

– А я тобой.

– Ты сам-то рад или это всё ради Лили?

– И то, и другое. Она хочет ребёнка, поэтому разъездная работёнка мне больше не подходит,

– Она? А ты не хочешь?

На этом вопросе Макс хмурится и отводит взгляд в сторону.

– Я тебе не говорил, чтобышний раз не дёргать... – *По его удручённому тону чувствую, что разговор сворачивает на какую-то запретную территорию.* – У Лили был выкидыш месяц назад. Не буду вдаваться в детали, но я говорил с врачом, и есть риск, что, если следующая беременность тоже прервётся, шансов может больше не быть. По крайней мере, естественным путём рисковать не стоит.

– Пиз**ц... – вздохнув, откидываюсь на спинку своего стула.

А по Лили и не скажешь, что в ней что-то изменилось. Всегда поражался этой неунывающей девчонке.

– Макс, молния не бьёт в одно место дважды. Всё будет в лучшем виде, —слабое утешение, в которое я и сам не особо верю, учитывая мою собственную молнию, ударившую в меня второй раз, но я не знаю, что обычно говорят в таких ситуациях. Слава Богу, не приходилось терять ребёнка.

Ребёнка.

Меня снова возвращает назад во вчерашнее утро, когда я купил для Кэсси тот препарат. Что, если она потом не сможет иметь детей? Я ведь даже не подумал о том, как это повлияет на неё. Бездушная сволочь я, вот кто.

– И ты теперь не хочешь детей, судя по пессимистичному настрою?

– Я не знаю, – Макс по привычке проводит рукой по волосам. *Всегда так делает, когда переживает или пытается найти выход из тупиковой ситуации.* – Чёрт, я не хочу их такой ценой, понимаешь? Что, если Лили... Вдруг с ней что-то случится? – Он избегает моего взгляда, наверняка, чтобы не показывать, как сильно пошатнулась его несломленность с появлением Лили.

Невольно проецирую всё это на себя, задаваясь вопросом, почему жизнь нам подкидывает подобные проверки на прочность. Вся эта ситуация с Кассандрой выглядит, как работа над ошибками после провального теста по какому-то очень важному предмету...

Минуту тяжёлого молчания брат нарушает первым:

– Скажешь, зачем в Вашингтон пожаловал? В жизни не поверю, что соскучился, – фыркает, принимая деловой вид биг-босса.

Решаю не тянуть резину, поэтому выкладываю как есть:

– У меня большие проблемы, Макс.

– Вот вообще не удивлён, учитывая твой образ жизни, – при виде моей непрошибаемой мины усмешка с его лица сползает так же быстро, как появилась. – Договаривай, – уже строгим тоном.

– Я должен был убрать одну «заказанную» девчонку под программу защиты свидетелей, но она оказалась чересчур своенравной и подпортила мне все планы. Кассандра должна была ждать меня в Сан-Диего, откуда я передал бы её в руки своих людей, но она ломанулась в ЭлЭй и чуть не попала в лапы сына Дона, который её и заказал. А теперь я...

– Стой-стой, как её зовут? – Макс не даёт мне договорить. – Прошу, скажи, что это не та твоя Кассандра, по которой ты сох в школе.

– Та, – не вижу смысла отрицать.

– Дьявол.

– Точнее не скажешь.

– Так, ладно. А в чём проблема? Ты же сообщил АНБ, что свидетеля нужно будет перехватить в другом месте? (*Прим. авт. АНБ – Агентство национальной безопасности*) – проблеск надежды в его глазах заставляет себя чувствовать ещё более виноватым, чёрт побери.

– Я им сказал, что она мертва, Макс, и спрятал её у себя, – опускаю лицо вниз, упирая свои ладони в лоб.

– Брайан, ты в своём уме? – мгновенно ошетинивается он. – Ты отдаёшь себе отчёт в том, что натворил? – Правильно поняв моё молчание, брат встаёт со стула и начинает расхаживать туда-сюда, сняв, наконец, свой галстук. – Ты захотел стать человеком без имени и прошлого? А о нас ты подумал?

– Вы-то здесь причём? – кисло спрашиваю я.

– Я не планировал общаться с родным братом, наряжаясь в костюмы доставщиков! – рывкает он на меня. – В лучшем случае тебя зачислят в предатели, а в худшем... – замолкает ненадолго, – в худшем сам знаешь, что может быть. Я уже не говорю о том, что под наблюдение загребут в первую очередь меня, Глорию, а заодно и Лили!

– Так, не кипятись! У Кассандры в любом случае было всего два варианта: или стать свидетелем со сменой имени, места жительства и всей жизни, находясь под колпаком у власти, или сесть в тюрьму по статье «госизмена», – пытаюсь оправдать свой неадекватный поступок, которому оправданий быть не может. – Ты же понимаешь, что ситуация нештатная? Если бы она отказалась от программы, ей бы не дали гулять на свободе. Это поставило бы под угрозу всю операцию! – я тоже начинаю выходить из себя.

Согласен, хвалить меня не за что, но я явился, в первую очередь, за поддержкой, а не нравоучениями.

– И ты решил за неё, я правильно понял? Брайан, чёрт, лучше бы ты мне не говорил сейчас всего этого. – Макс взъерошивает волосы на затылке, уже давно забыв о своей травмированной скуле. А синяк у него там неслабый вырисовывается. – Ты только что сделал меня своим сообщником, ты в курсе?

– Прости, но мне нужна твоя помощь.

– Какая?

– Нужны твои связи, чтобы депортировать Кассандру под другим именем в другую страну или хотя бы штат. Туда, где она сможет начать новую нормальную жизнь. С программой защиты мы всё равно в пролёте, – горько усмехаюсь, – но она бы на неё и не согласилась.

– Ты ей сказал, что её теперь и в самом деле не существует?

– Нет. Она думает, что это временно, – говорю без обиняков.

Макс глубоко вздыхает, глядя на меня в упор, пытаюсь отыскать во мне остатки разума, который заиклился на одном человеке.

– Зачем тебе это Брайан? Ты же мог сдать её АНБ, чтобы она сама приняла решение, – сверлит меня своим старшебратским назидательным взглядом. – Или не захотел? – кривит рот в издевательской улыбке.

– Макс, слушай, – невольно морщусь от нежелания откровенничать, как девчонка, но раз уж пришёл за помощью, нужно объясниться, как бы сложно ни было это сделать. – Давай я сразу отвечу одним предложением на все твои незадаанные вопросы? – Теперь встаю я, потому что мне становится жарко, как в аду. Подхожу к окну и открываю его настежь, чтобы вдохнуть свежий воздух. Сделав пару вдохов и выдохов, разворачиваюсь всем корпусом и раздражённо выпаливаю: – Да! Да, б**дь! Я захотел оставить её у себя, чтобы... – спотыкаюсь на полуслове, мысленно расписываясь в своём паскудстве.

– Чтобы что? – подгоняет меня Макс с настороженной интонацией в голосе.

Продышавшись и в сотый раз задав самому себе тот же самый вопрос, решительно отвечаю:

– Чтобы наказать её.

ГЛАВА 4 ПРОПАЖА

Кассандра

За эти дни ни разу не видела такого красивого рассвета. Вернее, не так. Я никогда не обращала на него внимание, потому что концентрировалась на мелочах вместо того, чтобы замечать более масштабные вещи. Я впервые задумалась о том, что за свои двадцать шесть лет была счастлива только рядом с Брайаном. Ни в глубоком детстве, ни в последние пару лет, когда мне казалось, что всё переболело, и я готова перекроить себя, чтобы жить спокойно без оглядки на прошлое. Те годы, что я работала и училась в Финиксе, сейчас кажутся смазанными, невзрачными, будто какое-то время Создатель рисовал мою жизнь простым карандашом, а теперь в ней снова появился цвет.

Я даже обижаться на Кроу не могу. Пусть он сбежал от меня, пусть пытается убедить в своём наплевательском отношении, я знаю его лучше, чем кто-либо другой. Возможно, даже лучше, чем он знает самого себя. И у нас это полностью взаимно: он по-прежнему чувствует меня на каком-то паранормальном уровне, предугадывая каждый мой следующий шаг. Иначе как ещё можно объяснить свою находку в тайнике, который действительно находился за найденной книгой? При нажатии на заднюю панель оттуда выдвинулся небольшой ящичек, в котором я обнаружила свёрток.

Бросаю взгляд на белый лист, лежащий на прикроватной тумбочке, и не могу не улыбнуться при виде слов: «Кассандра, надеюсь, ты приятно провела время. Запомни, всё самое секретное я храню в своей голове». Он прекрасно знал, что я начну обыскивать его кабинет, и устроил для меня целый квест. Забавно вышло, конечно. Я так ничего и не выяснила, зато скоротала своё одиночество.

Но на сегодня у меня тоже есть особый план. Умывшись и приведя себя в божеский вид, иду в столовую, прихватив с собой телефон. Пока кофемашина варит для меня кофе, который у меня, к слову, стал неплохо получаться благодаря Лорен, ввожу в браузере запрос: «Ханна Робертс, Лос-Анджелес». Всемирная паутина сразу находит для меня то, что я ищу. Видимо, эта девушка – известная персона в Городе ангелов. Пролистываю по диагонали множество статей о сети её салонов красоты. Слышала о таких, но не знала, кому они принадлежат. Кликаю по ссылке её странички в инстаграм, и передо мной открывается целый фотоальбом с однотипными селфи, в основном, перед зеркалом. Признаю, она шикарная. Не все, имея деньги, могут вкладывать их в себя с умом. В Ханне всё в меру, и это только усиливает мою ревность. Быстро листаю снимки, но ни на одном из них не вижу их вместе с Брайаном или людьми, смахивающими на родственников.

Возвращаюсь в поисковик и меняю тему запроса: «Ханна Робертс, семья». Где-то на четвёртой странице нахожу статью из жёлтой газетёнки. В ней освещалось какое-то благотворительное мероприятие с участием семейства Робертс. Рассматриваю Ханну, стоящую под руку с крупным лощёным мужчиной, по которому сложно определить возраст из-за застывшей мимики на лице. Он явно слишком увлекается ботоксом в желании выглядеть помоложе. Они запечатлены на фоне стенда с логотипами спонсоров. Фото не самое качественное, словно это снимок, сделанный с другого распечатанного снимка, но мой взгляд цепляется за кучку людей, стоящую поодаль в стороне. Трое мужчин, которых я узнаю. Но не в том плане, что я их знаю лично. Просто помню, среди кого вертелся мой отец, и это совершенно точно люди, связанные с криминалом. Лиц тех, что стоят позади, мне не видно, но я почти прилипаю к экрану, когда вижу руку, выглядывающую из-за спины одного из громил. Из-под края короткого рукава рубашки виднеется тату: уголок до боли знакомого крыла раненой орлицы.

Отец Ханны – и есть тот, на кого работает Брайан? Занимательно...

Окончательно осмелев, после завтрака я дошла до того, что стала рыться в вещах Кроу. Мне нужна одежда, прикрывающая руки, а единственная рубашка, которая у меня есть, ещё не постирана, да и пуговиц у неё теперь нет. В большом гардеробе аккуратными стопками уложены футболки, на вешалке висят однотонные рубашки и брюки спортивного кроя. Ни единого делового костюма. Хихикаю, вспоминая нелюбовь Брайана к пиджакам и галстукам. Он даже в школе всегда плевал на правила и расстёгивал верхние пуговицы. Своевольный и независимый – в этом весь он.

Как одержимая, зависаю в царстве его запаха ещё на какое-то время, прежде чем покинуть спальню с одной из его рубашек, бейсболкой и солнечными очками. Мне потребуется конспирация, чтобы навестить маму и узнать о состоянии её здоровья.

– Добрый день. Я пришла к Миранде Агилар, – приветствую угрюмую девушку в регистратуре городской больницы.

– Вы ей кто? – не глядя на меня, она начинает что-то быстро набирать на клавиатуре.

– Её коллега.

– Ваше удостоверение личности, пожалуйста.

Протягиваю ей фальшивую ID-карту, предоставленную Брайаном. Она начинает так досконально её изучать, словно я собираюсь прорваться к какой-то знаменитости, честное слово.

– Мисс Блэк, скоро закончится время для посещений. Можно чуточку поскорее? – тороплю её любезным тоном.

– Мисс Кортес, – вторит она с нажимом, копируя моё обращение к ней, —Миранду Агилар вчера перевели в другую клинику.

– В какую ещё клинику? – сердце ухает вниз от внезапной паники. *Что, если её увезли те люди?*

– Мне запрещено выдавать подобные сведения не родственникам.

– Подождите, но у неё никого не осталось! Как же мне узнать о её самочувствии?

Мисс Блэк хмурится, всматриваясь в меня через чёрные очки на моих глазах. По всей видимости, даже через них она видит уровень моей тревоги, потому что, настороженно осмотревшись по сторонам, понижает голос и огорошивает следующим ответом:

– Видимо, кто-то всё-таки остался. Ей предоставили квоту на дорогостоящее лечение в другой клинике и в срочном порядке транспортировали ещё вчера.

Брайан

По идее, я должен испытывать облегчение от того, что Кэсси скоро уедет, ведь именно это было целью моего приезда в Вашингтон, но вместо этого выхожу от Макса в сплошном раздрае. Он предложил свой план действий, и я взял время на раздумья, чтобы решить, как всё проверить, не сделав хуже никому из близких. Я до последнего не хотел втягивать во всё это брата и, тем более, подставлять его в свете нового назначения, но уверен, что он не простил бы мне, если бы я к нему не обратился. «Семья для того и нужна, чтобы быть опорой в любые моменты, даже когда кто-то из нас сильно облажался», – его слова.

Полдня я проспал в номере отеля, а ближе к вечеру Ханна, которая обычно присылает бесящие голосовые сообщения, удостаивает меня сухим текстом: «Буду поздно, нас позвали в ресторан на закрытое мероприятие».

Всё понятно. Теперь она решила включить режим гадюки, чтобы я перешёл в режим дрессированного пса, носящего тапки в зубах. Нет, детка, со мной это не прокатит даже несмотря на то, что наши отношения мне нужны для дела, и разбрасываться ими я точно не стану. Особенно теперь. Я должен каким-то образом установить жучок на вилле Дона, и желательно это сделать как можно скорее. А как это сделать с таким уровнем обыска? Только через

Ханну. Но есть гигантская проблема: все доступные поверхности в доме регулярно обыскивают. Многоступенчатая система безопасности, чтоб её...

Вовремя вспоминаю, что так и не отреагировал на её сообщение, и отправив короткое «ОК», блаженно разваливаюсь на кровати, раскинув руки и ноги в разные стороны. Ловлю себя на странной мысли, что очень рад провести этот вечер в одиночестве. Без нужды притворяться или улыбаться, когда охота просто помолчать и подумать.

Что там делает Кэсси, интересно?

Уже второй день держусь и не смотрю записи с камер, чтобы лишний раз не будоражить своё сознание. И один вопрос мне не даёт покоя, но если я его задам, то это будет признанием в собственных чувствах. А этого категорически нельзя делать. Даже если на секунду представить, что в нашем прошлом не было её предательства, нам всё равно не суждено быть вместе. Я не свободен, в конце концов. Не говоря уже о специфике моей работы: иметь настоящие отношения мне просто противопоказано. Поэтому достаю воображаемый ключ, запираю им свой сундук с лучшими воспоминаниями и, мысленно вышвырнув в окно, набираю сообщение. Просто, чтобы слегка раскрасить свой скучный вечер, конечно же.

Б: «Чем занимаешься?»

Сообщение не прочитано ни через минуту, ни через полчаса, ни через час. Я ей телефон для чего оставил? Чтобы он продолжал лежать в пакете? Засранка чёртова. Продолжает лишать меня покоя не то, что действиями, а полным бездействием. Бесит. Отправляюсь в душ, надеясь смыть с себя раздражение, возникшее на пустом месте. Оно портит мне жизнь, вытесняя из головы все рациональные мысли.

Чёрт возьми, я мужчина или кто? Мне нужно собраться и взбодриться, а всё, о чём я думаю, пока стою под душем – о голой Кассандре и её женственной соблазнительной фигуре. Вода, стекающая по мне, не дарит успокоение, а лишь вынуждает достать наружу воспоминания о том, как меня гладили ладони Кассандры, задерживаясь на нижней части живота и не решаясь спуститься ниже. Раньше я хотел учить её всему сам. Вместе с ней постигать науку секса, исследовать каждый дюйм её тела, чтобы случайно не пропустить какую-нибудь скрытую эрогенную зону, о которой она и не подозревала. Попробовать все мыслимые и немыслимые грани удовольствия, потому что та кареглазая девочка была для меня всем. Я хотел её всю целиком и без остатка, хотел делать её счастливой, ведь это делало счастливым и меня...

Стерва. Почему меня от неё так жёстко кроет? Почему, чтобы возбудиться с Ханной, мне требуются предварительные ласки, а в случае с Кэсси – достаточно одного взгляда, одной улыбки, одного мизерного контакта, чтобы моё тело вмиг пробудилось?

Вот как сейчас, например.

Закрыв глаза, сжимаю свой уже затвердевший член и начинаю скользящими движениями водить кулаком вверх и вниз, представляя, что это делает *она*. Опираюсь свободной рукой на кафельную стену душевой кабины и продолжаю заниматься односторонним сексом, прокручивая в своей голове «кино» с ней в главной роли. Вот она прячется в бассейне и смотрит на меня снизу вверх, источая пламя злости. Её нагота скрыта под водой, но это лишь сильнее распаляет, потому что в моих фантазиях я присоединился бы к ней и взял прямо в бассейне.

В следующем эпизоде она вышагивает по моему дому голышом, словно это для неё обычное дело. Мне дико хочется стиснуть её попку, шлёпнуть по ней (и не раз), чтобы услышать возмущённо-довольный вскрик, но этот образ ускользает от меня так же быстро, как первый. Я сразу перехожу к финальной сцене своего фильма и вижу, конечно же, другую Кэсси: раскованную, податливую и так пылко отдающуюся мне в операторской клуба. Хочу дождаться её протяжного стона, но вместо этого стону сам, потому что начинаю кончать в реальности.

Это сладостное помешательство на пару минут дарит мне чувство лёгкости в теле, а после всё начинается заново. Злость и раздражение. Раздражение и злость. Они стали, похоже, моими постоянными спутниками. Не прочить же мне круглосуточно, чёрт побери?

Выйдя из ванной, сразу марширую к телефону. По-прежнему пусто.

Ну ладно, будь по-твоему, Кассандра. Сама нарвалась!

Быстро введя нужный пароль, подключаюсь к видеосистеме своего дома и начинаю нервно кликать между окошками, пытаюсь определить, в какой комнате находится моя пропажа. Ни в кабинете, ни в спальнях, ни в гостиной, ни столовой её не нахожу, а вот при переключении на гараж у меня даже челюсть хрустеть начинает от того, как сильно я её сжимаю. Как раз в этот момент моя ненаглядная крадучись прошмыгивает внутрь со стороны потайного входа.

У меня уже даже сил нет на то, чтобы как следует возмутиться её очередным неповиновением. Привык, похоже. Говорят, привычка формируется за двадцать один день, но Кассандра умудрилась поставить рекорд, привив её мне в кратчайшие сроки.

Ладно хоть живая, и на том спасибо.

На ней, определённо, моя рубашка, завязанная узлом под грудью, и джинсы. Подключаю звук и даже дистанционно мне слышен тяжкий вздох Кассандры, когда она стягивает с головы мою бейсболку и с облегчением встряхивает копну своих волос.

Моя неугомонная «заложница» стоит неподвижно, пялясь куда-то в одну точку, и в этот самый момент резко переводит взгляд прямо в камеру. Я даже невольно отшатываюсь от телефона. Какого хрена? Это я её застукал за очередным нарушением моих правил, а не она меня! И что за выражение лица, я не понял? В её глазах сквозит такая решимость, что у меня снова начинают зудеть ладони. Мне опять хочется её как следует отшлёпать, чтобы приструнить буйный нрав. Кассандра превращает меня в какого-то дикаря, ей Богу. Никогда не замечал за собой подобных садистских замашек.

Не знаю, сколько мы так смотрим друг на друга через экран, но я отмираю, когда она устремляется в дом. Последовательно переключаюсь между изображениями с разных комнат, чтобы отследить её перемещения. Разворачиваю картинку во весь экран, как только она заходит в свою спальню и начинает без колебаний раздеваться прямо с порога. Камера в её комнате встроена в специальное двустороннее зеркало, которое, разумеется, выглядит, как обычное. Подобные устройства есть в каждой комнате моего дома. И не только такие.

Я, конечно, ещё тогда подозревал, что мы с Кассандрой общаемся на уровне телепатии, но, чтобы настолько... Будто прочитав мои мысли, она подходит вплотную к зеркалу и начинает стягивать остатки одежды, с интересом всматриваясь в своё отражение, то есть в меня. Ошалелого меня, если быть точным.

Оставшись абсолютно голой, эта бестия перекидывает свои волосы на одно плечо, открывая моему взору свою птицу. Край виднеющегося крыла на фоне смуглой кожи делает её похожей на ангела. Падшего ангела греховной красоты, так коварно ворвавшегося в мою жизнь, чтобы в этот раз забрать её окончательно. Она, охренеть, как красива в своём единственном одеянии в виде натальной росписи. Обхватив свою сочную грудь руками, Кассандра начинает крутиться перед зеркалом, будто нарочно демонстрируя свои формы то с одной, то с другой стороны. Я ещё в клубе обратил внимание на её рельефный пресс и подкачанные ножки. Прото, как она профессионально двигалась под музыку, можно вообще не упоминать.

Кэсси поворачивается задом ко мне и наклоняется за снятыми трусиками, открывая моему взору свою ничем не прикрытую щёлочку. Б**дь, бесстыжая! Придвигаю телефон ещё ближе к лицу, чтобы не пропустить ни одной детали. Она проделывает это всё неспешно, будто специально наэлектризовывая воздух вокруг себя. И, что ещё более удивительное, вокруг меня тоже. Полотенце раскрывается на моих бёдрах под действием снова взбунтовавшегося члена. Похоже, с этой девчонкой он готов пахать без перерыва. Укладываюсь на постель, чтобы было поудобнее лицезреть теперь уже настоящее кино, которое не идёт ни в какое сравнение с тем, что я запускал в своей больной головушке. Но Кассандра явно решила меня подразнить,

потому что выпрямляется и с лёгкой улыбкой, скрывающей за собой пока неразгаданный мной смысл, отправляется в сторону ванной.

Догадалась, где находится камера?

Проходя мимо тумбочки, она останавливается и хватает телефон. Я делаю то же самое со своим вторым смартфоном, ожидая от неё ответ. Вижу статус «прочитано», но вместо реакции на моё сообщение она спокойно кладёт свой гаджет на прежнее место и скрывается за дверью ванной.

ГЛАВА 5 ПЕРЕПИСКА

Кассандра

Такое чувство нескрываемого облегчения я не испытывала, даже когда позавчера Брайан предпочёл спать в гостевой спальне без Ханны. А тогда оно было непомерно гигантских масштабов. Вне всяких сомнений, тайный благодетель моей мамы – Кроу. Интересно, когда он всё провернул? Перед своим отъездом или раньше? Этот поступок только подтверждает мои догадки: Брайан всё тот же человек с огромным сердцем, что и раньше. Он – не киллер и не гангстер, но кто он? Каким образом он заработал у Робертса деньги на такой фешенебельный дом, спорткар и эксклюзивный мотоцикл? Стыдно, но я разнюхала в интернете даже примерную стоимость всего этого добра.

Обратно я возвращаюсь окольными путями, сменив для надёжности несколько такси. Да простит меня Кроу, я у него стащила немного наличных, обнаруженных в одном из карманов брюк. Уже начало смеркаться, но я на всякий случай прошу высадить меня на повороте, чтобы не светиться перед соседями, пусть и малочисленными. На его улице я насчитала около десяти роскошных вилл. Но каждая из них ограждена таким высоченным забором, что я понятия не имею, есть ли жизнь за его пределами. Тишина, царствующая в этом районе для богатеев, очень непривычна для моего слуха, привыкшего к городскому шуму. Открыв дверь, ведущую на секретный участок, незаметно юркаю внутрь и уже знакомым путём пробираюсь в гараж.

Оказавшись внутри, выдыхаю всё напряжение сегодняшнего дня и снимаю бейсболку, освобождая волосы, стянутые в тугий узел на голове. Какой кайф... Прислоняюсь спиной к закрывшимся воротам, и ровно в этот момент в меня прокрадывается шальная мысль о том, как сильно я хочу сейчас быть пойманной Брайаном. Любопытно, что бы он предпринял, если бы стоял сейчас напротив?

Сердце начинает отчаянно заходиться, будто его всё сильнее сдавливает между молотом и наковальней. В моём теле зарождается какая-то невообразимая цепная реакция, вызывающая интенсивный прилив крови к щекам, а потом ниже и ниже, пока мне не становится невыносимо жарко. Как если бы кто-то прямо сейчас прожигал меня насквозь пристальным взглядом. Поднимаю лицо к тому углу, в котором есть камера, и меня простреливает осознание: в эту самую секунду за мной наблюдают. Подавив нахальную улыбку, отправляюсь к себе в комнату.

То, что я творю дальше, обескураживает даже меня. Незнакомка, которая входит в спальню и эротично снимает с себя одежду – какая-то новая версия Кассандры Агилар. Раскрепощённая, сексапильная, желанная... Где находится скрытая камера, я догадалась ещё вчера, потому что зеркало в пол – единственный предмет в комнате, расположенный в таком месте, откуда можно беспрепятственно охватить всё помещение. Сначала я грешила на плазму, но этот вариант отпал после того, как ко мне вломился Кроу. Оттуда меня невозможно было бы увидеть лежащей на полу ни при каком раскладе: я была в слепой зоне почти у самой стены.

Дразнить Брайана – стало моей маленькой мстью за все издёвки, которых я вдоволь натерпелась. Будет, конечно, триумфальным провалом, если моё чутьё играет со мной злую шутку, и он прямо сейчас наслаждается обществом своей девушки... В воображении обливаю эту назойливую отравляющую мысль керосином и сжигаю дотла. Раз решила, нужно идти до конца!

Завершив своё маленькое стрип-шоу, отправляюсь в душ, но по пути вспоминаю про специально оставленный телефон. Улыбаюсь во весь рот, когда вижу входящее сообщение от Брайана, но, пожалуй, потомлю его немного.

К: *«Лежу»*, – отвечаю через полчаса, расположившись в одном полотенце на той стороне кровати, которая находится ближе к зеркалу.

Ответ приходит минуты через две:

Б: «Почему ты испытываешь моё терпение, Кассандра?»

К: «О чём ты?» – включаю дурочку. Хотя я и правда не понимаю, о чём он: о моём побеге из дома или о представлении перед зеркалом.

Б: «Ты нарушила единственное правило: не покидать дом. Где ты была?»

К: «Извини, но ты мог сам ответить на мои вопросы. Мама – всё, что у меня есть. Я должна была узнать, как она».

Сообщение прочитано, Брайан в сети, но ничего не пишет. Думает, что сказать? Или накрыл голову подушкой, чтобы никто не слышал его злостный рык?

К: «Спасибо», – пишу вдогонку.

Думаю, он понимает, за что я благодарю.

Б: «Она ни в чём не виновата, а мне не было сложно».

Знал бы ты, до чего докатилась моя мать в нашем прошлом, Брайан. Но эти пагубные мысли так и остаются невысказанными, потому что я снова начинаю возвращаться к тому времени, когда в нашей жизни был Шейн. После моего скоростного отъезда в Аризону, всё общение с мамой я свела к дежурному «привет-как дела-пока», только чтобы поддержать видимость благополучия. Я не интересовалась, сколько ещё продлились её отношения с этим уродом, но спустя несколько месяцев она сама сказала, что он сидит в тюрьме. В тот день я одиночно осушила бутылку шампанского и даже не испытала угрызений совести. Отец отправился за решётку в том же году. Больше я ничего о нём не слышала до того дня, как меня спас Брайан.

Б: «Почему ты до сих пор учишься, Кэсси?»

От Брайана приходит сообщение, которое вводит меня в состояние, близкое к кататонии. Снова и снова читаю последнее слово, чтобы убедиться, что оно мне не привиделось. Ещё в школе все одноклассники демонстративно называли меня «Сандра» или полным именем, но только не он. Его ласковое «Кэсси» или «Колючка» всегда согревали меня. В нашем настоящем, кроме «Кассандры» из его уст я не слышала другого обращения. Вспомнив о том, что Кроу, скорее всего, сейчас наблюдает за мной, оживаю и переворачиваюсь на живот. Надеюсь, мой вид сзади с задравшимся полотенцем тоже слегка парализует его.

К: «Я несколько лет работала, чтобы накопить на учёбу».

Б: «Почему Аризона?»

К: «Потому что этот штат на первую букву алфавита и не так далеко от Калифорнии».

Б: «Логично»)).

Как мне расценивать две улыбающиеся скобки в конце? И с чего вдруг он стал так интересоваться мной? Может, он пьян?

К: «Ты пьян?»

Б: «Да», – отвечает, чуть помедлив.

Вздыхаю от укола разочарования. Завтра он протрезвеет, пожалеет о таком разговоре, не стеснённом запретами, и снова станет агрессором.

Б: «У тебя не нашлось более длинного полотенца?» – присылает следом.

Меня разбирает смех от нашего странного разговора. Действительно, к чему все эти ужимки и увиливания, если мы оба знаем, что он сейчас за мной наблюдает. Я сама выдала себя своим поведением.

К: «Тебя это беспокоит?»

Б: «Очень. Залезь под одеяло»

Я долго и пристально смотрю в зеркало через плечо, прежде чем решиться на самый безбашенный поступок в своей жизни. Вынимаю заправленный уголок полотенца и отбрасываю его прочь, чтобы не дать себе возможности передумать. Позу тоже немного меняю. Слегка

прогибаюсь в пояснице, чтобы приподнять попу. Через несколько секунд раздаётся сигнал входящего сообщения, а потом почти сразу прилетает ещё одно.

Б: «??????»

Б: «Кассандра, выключи свет».

К: «Выключи свой телефон. Не хочешь, не смотри».

Б: «Какой мужчина в здравом уме откажется поглазеть на голое женское тело?»

К: «Глазей на Ханну».

Этимися словами я, видимо, попала точно в цель. Ханна рядом с Брайаном нет, и ему нечем крыть.

Ханна... Когда я думаю о них, представляю, как он целует и ласкает её или как она позволяет себе те вольности, которые не могу позволить я, у меня сбивается дыхание от нестерпимой боли, которую я ощущаю как физическую, но не могу точно определить её источник. В такие моменты я чувствую себя насильно скованной железными кандалами, которые не дают мне предпринять то, что я хочу больше всего на свете: вернуть Брайана обратно. Если бы я не была уверена в том, что дорога ему, совершенно точно не стала бы им мешать, но обстоятельства изменились.

Спустя несколько минут его молчания я порывисто откладываю телефон в сторону и, перевернувшись на спину, включаю музыкальный канал. Как на грех, спальню заполняет проникновенная чувственная композиция, буквально толкающая меня на самый край пропасти, от которого я только что отошла. О чём он сейчас думает? Боится шагнуть туда вместе со мной? Или боится, что я упаду туда одна?

Укладываюсь поудобнее на подушку и закрываю глаза. Свет специально оставила включённым, потому что хочу чувствовать его близость, хоть и виртуальную. Хочу, чтобы он видел меня такой открытой. Знал, что моё доверие к нему абсолютно и непоколебимо. Но для начала я всё равно прикрываюсь одеялом, чтобы довести его до кипения. Сделать так, чтобы он задышался от желания прикоснуться ко мне, подчинить себе, заклеить собой. Медленная музыка на фоне задаёт ритм моим движениям. Я плавно ныряю одной рукой под одеяло и начинаю поглаживать себя, проводя ладонью то вверх, то вниз, с каждым разом увеличивая амплитуду, поэтому, когда мои пальчики опускаются между ног, из меня непроизвольно вырывается лёгкий стон.

Свободной рукой сжимаю грудь, с которой уже съехало одеяло, и продолжаю наращивать темп. Я никогда в жизни не мастурбировала. Это для меня совершенно новые ощущения, которым мне всегда было стыдно отдаваться. Мне казалось, что я никогда не смогу испытывать ничего хотя бы отдалённо похожего на то, что я переживала с Брайаном, и запретила себе подобные удовольствия, осознанно лишила себя их.

Вновь и вновь я перелистываю в своей голове моменты нашего наивысшего счастья: его поцелуи, ласки, касания, которые были то бережливыми, то неистовыми. Мне нравилось всё, что он делал с моим телом, потому что это был *он*. Каким-то далёким эхом до меня доносятся звуки входящих SMS, и мысль о том, что он прямо сейчас смотрит на меня или занимается тем же самым, доводит меня просто до ручки. Я уже не могу сдерживать стоны. К низу живота устремляется тягучая патока, которая в какой-то момент достигает такой концентрации, что я начинаю терять нить своих воспоминаний и фантазий. Я будто проваливаюсь в бесконечность, освещаемую яркими бликами. Выпускаю на волю всю свою сдержанность, и оргазм накрывает меня внезапными импульсами, которые сначала кажутся нескончаемыми, а потом до боли быстротечными.

Я снова возвращаюсь в свою реальность, испытывая ужасную жажду. Кое-как отдышавшись, перекачиваюсь на бок и открываю список входящих сообщений. Он прислал два подряд.

Б: «Кассандра, какого чёрта ты делаешь?».

Б: «Убью тебя».

Б. был в сети 8 минут назад.

Вместо слова «убью» я бы, конечно, хотела увидеть «люблю», но нужного эффекта я добилаь однозначно. Брайан вскипел. Интересно, что он делал эти восемь минут?

К: «Признай, что тебе понравилось».

Кроу отвечает сразу:

Б: «Нет».

К: «Нет – не признаешь, или нет – не понравилось?»

Вижу, что моё сообщение прочитано, но Брайан выходит из сети и больше так ничего и не присылает.

Между нами что-то изменилось. Пока не могу понять, в какую сторону, но я чувствую, что в нашей жизни грядут перемены. То, что я начала мечтать впервые за много лет – этому подтверждение.

Преисполненная необъяснимым парящим чувством, в эту ночь я спала беспробудно до самого утра, рисуя в своих красочных снах нашу встречу после его возвращения из Вашингтона.

Надеюсь, она будет знаковой.

ГЛАВА 6 УГРОЗА

Брайан

– Ваш апельсиновый фреш. – Сексапильная блондинка с голливудской улыбкой ставит поднос с соком и сэндвичами рядом с моим шезлонгом и, ненадолго задержав взгляд на моём лице, уходит в сторону бара.

– Хоук, ты охренел?

Когда я считал, что Ханна на меня обижена, я сильно преуменьшил. Она брызжет ядом с самого утра, отчего у меня дьявольски трещит голова. Уж лучше бы я накануне и вправду был пьян, чтобы было не так обидно за свою мигрень. Не знаю, во сколько Робертс пришла в номер, потому что я уснул сном младенца после фантастического секс-сеанса с Кассандрой. По сути, третьего за день. Без преувеличения, это был один из самых горячих моментов в моей небедной интимной жизни.

В общем, моей девушке не понравилось, что я её не дождался. А сейчас мы проводим безмятежное утро возле бассейна в SPA-комплексе отеля. Точнее, я надеялся, что оно будет безмятежным, так как хотел расслабиться перед перелётом и встречей со своей бандитской «семьёй», но не тут-то было.

Поворачиваю лицо к Ханне и, приподняв солнечные очки на лоб, вздёргиваю бровь в немоём вопросе, мол, что снова не так.

– Ты пялился на её жопу!

– Я в тёмных очках. Откуда ты знаешь, куда я смотрел? – Невозмутимо отхлёбываю сок, на полном серьёзе подумывая о том, чтобы нырнуть в бассейн и не выныривать как можно дольше.

– Ой, давай только не делай из меня дуру, Брайан! – Ханна нервно размазывает солнцезащитный крем по своим худощавым плечам, и я непроизвольно вспоминаю округлые изгибы Кэсси.

Сравнивать их между собой – низко, знаю, но ничего не могу с собой поделать. Я тактильный человек. Девушка рядом со мной источает жёсткость и холод, а та, что на другом конце континента – мягкость и тепло. А я, как кусок бумажки, летящий к её огню: знаю, что сейчас превращусь в пепел, но против мощи ветра бессилен, хоть и сопротивляюсь, как могу.

– Ханна, на что ты злишься? Сама придумала проблему, сама на неё обиделась, а виноват я?

– Не делай вид, что у нас всё в порядке, – продолжает допекать меня Робертс.

– У нас всё в порядке. – Отставляю свой сок и, приняв удобную позу, закрываю глаза. Это стало для меня каким-то особенным ритуалом. Каждый раз, когда я это делаю, вижу Кассандру. Только теперь её взгляд другой. Не такой осуждающий, как в моих позавчашних видениях. Сейчас в них отражается пламя, вожделение, страсть и ноль укоризны даже несмотря на мой отвратительный поступок с таблеткой.

Вышла или нет?

– Пойдём поплаваем? – уже заискивающим тоном зовёт меня Ханна, и я заставляю себя посмотреть на неё, чтобы не обострять конфликт. – Здесь вроде бы неплохой бассейн. Судя по запаху, в нём должно быть стерильно, – добавляет, брезгливо морщась.

– Детка, ты в школе точно хорошо училась? Хлор не имеет запаха. А вот хлорамин, который вырабатывается при контакте хлора с человеческими выделениями, кожным салом и микробами – очень даже пахнет. Давай прояви чудеса дедукции и попробуй смекнуть, чистый ли здесь бассейн. Отель явно не оправдывает своих пяти звёзд.

– Хоук, тебе череп не жмёт? – Ханна обидчиво поджимает губы и принимается через трубочку потягивать свой коктейль. – Иногда меня жутко бесит, что ты такой умный.

– У тебя ПМС? Почему ты так остро на всё реагируешь? Я хотел отдохнуть пару дней, а всё, что получил – вынос мозга и половину суток в самолёте.

– А я получила... – снова заводится. – А ничего я не получила! Долго ещё будешь меня мариновать? – и уже тише: – Или мне удовлетворять себя самостоятельно?

Ох, лучше бы она молчала про самоудовлетворение... Одно только это слово – и в голове вчерашняя сцена. В плавках становится всё теснее и теснее, и во мне вспыхивает злость от того, что я теряю контроль над самим собой.

Замаскировав своё реальное состояние за любимой саркастичной улыбкой, загадочно подмигивая Ханне, предоставляя ей возможность додумать значение этого жеста в свою пользу. Молча встаю с шезлонга и, зная, что теперь она точно не пойдёт за мной, ныряю рыбой в бассейн, забив на бактерии, о которых только что вешал.

Из-за разницы в часовых поясах в ЭлЭй мы оказываемся тем же вечером и сразу едем в реабилитационный центр, чтобы навестить Мэддока. Откровенно говоря, нет никакого желания видеть говнюка, но я обязан отыгрывать свою роль члена семьи правдоподобно.

Ханна слегка оттаяла. Мою эрекцию, которая не осталась ею незамеченной, она приняла на свой счёт, поэтому после SPA поспешила выманить меня в номер, чтобы наверстать упущенные дни воздержания. Пока мы поднимались в лифте, во мне шла ожесточённая борьба совести и долга. Мы целовались... Без передышки, страстно. Так, как мы делали это всегда до появления в моей жизни Кассандры. Почему же меня не покидало чувство, что этим я предаю её? Я ей ничего не должен, чёрт возьми!

Но, как ни крути, этим утром кто-то «сверху» над нами снова посмеялся. Мы застряли в лифте за этаж до нашего, и у Ханны началась паническая атака. Для неё невыносимо находиться в закрытом пространстве слишком долго, поэтому настрой на интим был испорчен окончательно. Те двадцать минут ожидания техников мы сидели на полу в обнимку. Она искала утешения и защиты рядом со мной, а я задавался вопросом, что будет с ней, когда я доведу дело до конца.

Испытываю ли я к Ханне что-то большее, чем симпатию? Не могу ответить на этот вопрос однозначно. Она красива и не глупа, и с ней интересно проводить время.

В последнем слове как раз вся загвоздка: время, а не жизнь.

Будь на её месте любая другая, исход у отношений был бы одинаковым. Но сейчас мне жаль, что на этом месте оказалась именно она: ранимая и отчаянно влюблённая в человека, который никогда не ответил бы ей взаимностью. В того, кто нащупал её слабые стороны и комплексы, и пользовался ими в своих корыстных целях, только выраженных не в денежном эквиваленте: это информация и возможность быть в числе приближённых Дона.

У меня есть чётко поставленные цели, которые я раскромсал на мелкие задачи. Средства их достижения тоже просчитаны наперёд, и я получил для этого неограниченные полномочия, вплоть до устранения людей из конкретного списка в случае крайней необходимости. И Ханна – тоже средство, как бы жестоко это ни звучало...

Рехаб выглядит как респектабельная гостиница. Её расположение на берегу океана в пригороде Лос-Анджелеса создаёт видимость уединения и умиротворения. Усмехаюсь про себя, представляя, как «весело» здесь тусовщику Мэду. Ханна забавно передёргивает плечами при виде странной пары лысых девушек, нежащихся на солнце прямо на газоне на территории клиники. Она терпеть не может это место, но ради любимого брата готова на подобные жертвы.

– Добрый вечер. Мистер Робертс уже ждёт вас, – нас встречает миловидная докторша, которой от силы лет тридцать пять.

Я улыбаюсь в ответ и тут же получаю тычок локтем в рёбра. Ханна, обезумевшая от ревности, собственнически хватает меня за руку и тянет в сторону комнаты для посещений. Это помещение представляет собой прозрачную клетку из стекла, позволяющую обозревать

происходящее внутри. Мэддок сидит на диване в своей излюбленной манере – вразвалку – и смотрит футбольный матч на огромном экране. По нему и не скажешь, что его здесь пичкают психотропами. Такое же хищно-озлобленное выражение лица, как и всегда.

При виде вошедшей Ханны его лицо озаряет счастливая улыбка, которая бесследно исчезает, как только следом захожу я.

– Пошёл вон отсюда, – выплёвывает в мою сторону вместо приветствия.

– Мэд, что с тобой? – Его сестра кладёт ему руки на грудь в успокаивающем жесте. – Мы переживаем за тебя, а ты прогоняешь?

Её братец петушится ещё больше и, игнорируя сестру, продолжает наезжать на меня:

– Какого хера ты упёк меня сюда? Специально, да? Я ведь помню всё, что было в клубе, ублюдок!

– Неужели? Да ты был не в себе и пихал кокаин в дырки своих шлюх! – скалюсь я.

– Это моё дело! – *Ноздри раздуваются, того и гляди нос сейчас лопнет.* – Следи лучше за собой, *Хоук*. Тебе не понравилось, как я смотрел на новую киску, да? В этом дело?

– А тут поподробнее, пожалуйста, – влезает Ханна, переводя нахмуренный взгляд с брата на меня и обратно.

Упираю руки в бока, показывая, что ситуацией владею я, а не он.

– Ты выжил из ума от своей наркоты, Мэд. Мой тебе совет, лечись, пока не закончил плохо.

– Ты пожалеешь об этом, – цедит он зловеще, пока Ханна пытается его утихомирить, поглаживая по плечам.

– Выздоровливай, – скупно бросаю я, сделав вид, что его угроза для меня – пустой звук, и, развернувшись, широким уверенным шагом выхожу в холл.

Я, конечно, могу и дальше отрицать все слова сына Дона и списывать всё на его невменяемость, но проблема у меня нарисовалась серьёзная. Подкупить всех сотрудников клуба я тоже не в силах. А это означает примерно следующее: как только Мэддок покинет клинику, он начнёт разнюхивать детали, выйдет на Диану, и та в красках опишет ему портрет Кассандры. В тот вечер была только одна кудрявая танцовщица с очень специфической внешностью, которая исчезла бесследно после того, как зашла в служебное помещение прямо передо мной. Ему не составит труда сообразить, что она как-то связана со мной, и начнёт копать дальше.

Выстроив в голове эту бесперспективную цепочку, прихожу к главному выводу: времени у меня в обрез.

ГЛАВА 7 РАЗГОВОР ПО ПРАВИЛАМ

Кассандра

Слоняться без дела мне быстро надоело, и я докатилась до того, что стала по-настоящему наводить порядок в доме. Достав швабру, ведро и тряпки из кладовой и включив стерео-систему для бодрости, я принялась за генеральную уборку. За этим делом даже не заметила, как пролетел день. Я вся взмокла даже при включённых по всему дому кондиционерах. Всё-таки лучшее лекарство от тревоги – это физический труд. В кабинете Брайана я снова задержалась на непозволительно долгое время, натирая до глянца все открытые поверхности, пытаюсь найти какую-нибудь секретную кнопку. На видеозаписи всё должно выглядеть так, что не придраться: я просто очень усердно исполняла свои обязанности.

Не могу поверить, что у Брайана нет никаких укромных мест, в которых я нашла бы хоть что-то, позволяющее понять, какую роль он играет в семье Робертс. Ни за что не смирюсь с тем, что Кроу стал наёмным убийцей, поэтому я просто обязана найти доказательства обратного. То, что сможет помочь нам обоим. Я перестала бы заниматься подобными расследованиями, если бы Брайан соизволил всё рассказать мне и пролить свет на имеющиеся пробелы.

Я помню, конечно, о той квартире, в которой переодевалась в самый первый день. Возможно, всё компрометирующее находится там, и я занимаюсь пустой тратой времени. Только меня гложет вопрос, считает ли Кроу эту виллу своим домом, если из самого личного здесь только его одежда?

Все мои попытки не увенчиваются успехом, и я разочарованно покидаю кабинет, чтобы убрать весь инвентарь и принять душ. Дальше в моих планах съесть всё, что приготовила Лорен, за просмотром какого-нибудь хорошего фильма.

Ближе к концу драмы, сюжет которой от меня то и дело ускользал, раздаётся стук в дверь. Я чуть не давлюсь бутербродом от неожиданности. Брайан вернулся так скоро? Крадусь к двери на носочках и прислоняю к ней ухо. Это ведь не может быть какой-нибудь чужак?

– Кассандра, это я, – слышу уставший голос Кроу по ту сторону.

Тут же распахиваю дверь и ловлю на себе любимый взгляд из-под слегка опущенных ресниц. Уголок его рта приподнимается в ироничной ухмылке, и я вспоминаю, что стою перед ним в одной рубашке. Его рубашке. Молча рассматриваем друг друга, не находя нужных слов. Я даю ему право первого хода, ведь это он пришёл ко мне, а не я.

– Составишь компанию? – озадачивает меня своим приглашением.

– Где?

– За ужином. Не хочу, чтобы ты торчала здесь взаперти, – доброжелательность в его тоне меня сильно настораживает. Последнее, что он обещал со мной сделать – убить, а теперь ведёт себя так, словно мы старые-добрые приятели.

– Ладно. Я только переоденусь? – показываю большим пальцем за своё плечо.

– Не нужно. Всё равно кроме нас в доме никого нет. – И продолжает стоять передо мной, не давая возможности выйти.

Делаю шаг к Брайану и практически упираюсь носом в ямочку на его шее. Он одет в простую трикотажную футболку и шорты, но выглядит, как настоящий концентрат мужественности. Судя по всему, он уже успел принять душ. От него пахнет так, что я кое-как подавляю инстинктивное желание попробовать его кожу на вкус. На несколько секунд время останавливается. Мы дышим единым воздухом. Наслаждаемся этой кратковременной непозволительной близостью и никак не можем воспротивиться силе, обездвиживающей нас. Кроу побеждает эту силу первым. Он делает шаг в сторону и жестом предлагает мне идти первой.

На столе в столовой вижу три коробки пиццы и бутылку вина. Если признаюсь, что уже набила свой желудок до отвала, то можно сразу уходить обратно, поэтому, не говоря ни слова, сажусь напротив.

– Где Ханна? – не могу не поинтересоваться я.

Брайан медлит с ответом, всматриваясь в меня проницательным взглядом.

– Ханна здесь не живёт, поэтому она сейчас там, где и должна быть: у себя, – сухо отвечает Брайан, пока надевает на горлышко бутылки автоматический штопор.

– Но ведь вы... она... – теряюсь я, пытаюсь сложить из слов предложение.

– Кассандра, давай не будем об этом, ладно? Я позвал тебя, чтобы попробовать наладить нормальное общение. И это уже вторая попытка, заметь, – горько усмехается, пока разливает бордовый напиток по бокалам.

– Ты любишь её? – Затаивая дыхание в ожидании приговора, не реагируя на просьбу Кроу.

Протянув мне бокал вместо ответа, он салютует своим и делает сразу несколько больших глотков. Совсем не по этикету.

– Предлагаю на сегодняшний вечер установить правила. – Глядя на меня с хитрой тенью, он вертит в руке бокал, как профессиональный сомелье.

– А если я с ними не соглашусь?

– Тогда будем есть и пить молча, а потом спокойно разойдёмся по *своим* спальням, – Брайан так смешно подчеркнул слово «своим», что с головой выдал себя.

Он переживает, что наш вечер плавно перетечёт в какую-то одну комнату?

– Хорошо. Что за правила?

– Ни слова о нас, прошлом и личном.

– А о настоящем? – Я тоже делаю глоток вина, чтобы смочить горло. Терпкая виноградная жидкость оставляет приятное послевкусие во рту, и я отпиваю ещё немного.

– Кассандра...—предупреждает меня, отрицательно покачивая головой.

Усмехнувшись, закрываю пальцами невидимую молнию на своих губах, показывая, что принимаю его правила. Любой разговор между нами будет куда лучше холодной войны.

– Нашла в доме что-нибудь интересное? —непринуждённо спрашивает и откусывает приличный кусок пепперони.

– Ты ведь знаешь ответ. Просмотрел записи?

– Нет. – *Кажется, он совсем не злится на моё своевольное поведение.* – Просто я научился хорошо разбираться в людях, Кассандра, и могу предугадать почти каждый твой следующий шаг. Кроме некоторых... – он осекается, бросая взгляд на мой рот, – своеобразных действий.

– Ты разве знал, что я сорвусь к маме? – искренне удивляюсь я.

– Шансы такого исхода были высоки, поэтому я и перевёл её в другую клинику.

– И оплатил операцию, – добавляю то, что он не озвучил.

– Считаю это компенсацией морального вреда.

– Спасибо, – произношу вполголоса, теребя ножку своего бокала.

– Не за что.

– Что говорят врачи, Брайан?

– Её состояние стабильное. Не вешай нос, – подмигивает, одаривая меня подбадривающей улыбкой.

Облегчённо выдыхаю, когда не замечаю в его взгляде обмана.

– Когда я смогу её увидеть?

– У меня нет точного ответа, Кэсси, не вынуждай меня лгать.

Разве я могу настаивать, когда передо мной сидит такой вежливый прототип Брайана? Но раз он развязал мне язык, пользуюсь предоставленной возможностью по полной программе.

– Брайан, кто такой Ларри Робертс? Ты ведь на *него* работаешь? – в конец смею я.

Кроу начинает смеяться, не отрывая от меня глаз.

– А интернет что говорит? – он осушает свой бокал до конца и наливает ещё. Решил напиться? С чего вдруг?

Приготовившись к длинному совместному вечеру, поднимаю ноги на стул, чтобы принять более удобную позу. Мои обнажённые колени, выглядывающие поверх столешницы, сразу притягивают взгляд Кроу. В нём появляется уже знакомая пелена, которая чертовски повышает мою самооценку.

– Интернет мало чем помог: крупный бизнесмен, вдовец, двое детей.

– Это правда. Поешь.

Он протягивает мне кусок пиццы, а я, вместо того, чтобы взять его рукой, просто медленно приближаю лицо и откусываю.

Взгляд глаза в глаза, его выдох – мой вдох, атмосфера между нами неотвратимо меняется с непринуждённой на крайне интимную. Боже мой, я всего лишь взяла ртом еду из его руки, а он смотрит так, словно представляет вместо пиццы что-то совсем другое.

Долго ли мы сможем поддерживать видимость «дружбы»?

Брайан

Кассандра проводит пальчиком по нижней губе, убирая с неё капельку прилипшего соуса от пиццы, а я думаю о том, будет ли чересчур подло, если я трахну её снова прямо сейчас? На столе или на её стуле, или на полу? Чёрт, да на любой поверхности, которая есть в шаговой доступности... Я соскучился. Постоянное желание секса с этой девушкой становится какой-то больной одержимостью, от которой есть только единственное лечение: она. Но мне необходимо держать себя в руках. Потерпеть осталось совсем немного. Нужно только дожидаться отмашки Макса.

– Да, я работаю на него, – надеюсь мой ответ удовлетворит её неумное любопытство, хотя и могу понять его причины. Я тоже вряд ли сидел бы на месте и ждал у моря погоды. «Кто владеет информацией – тот владеет миром».

– Ты убиваешь людей? – беспокоится наивная глупышка.

– Кассандра, ты действительно хочешь знать правду?

– Хочу. – Её взгляд застывает на мне. В нём сейчас такой противоречивый микс из решительности и страха, что меня это завораживает.

– Да. В рай мне точно путь закрыт, – признаюсь я, допивая до дна уже вторую порцию. Что-то я впрямь разошёлся, пытаюсь направить свои мысли в иное русло, поэтому отставляю опустошённый бокал в сторону.

Она молчит, продолжая безотрывно глядеться в мои глаза, и выдаёт:

– Если ты это делаешь, значит, эти люди заслужили.

– Ты пытаешься сейчас меня оправдать, серьёзно? – по-доброму посмеиваюсь я, чуть подаваясь вперёд.

– Ты хороший человек, Брайан. Ты никогда не стал бы таким, как... как Шейн, – уверяет меня та, которая больше ни черта обо мне не знает.

Как я счастлив, что имя этой гниды, произнесённое её устами, больше не вызывает во мне ничего, кроме пустоты.

– Ошибаешься, Кэсси, – беру прядь её волос и слегка тяну на себя, вынуждая придвинуться почти вплотную к моему лицу. – Я стал гораздо хуже. А знаешь, почему?

– Почему? – переходит она на взволнованный шёпот.

– Он делал всё чужими руками, а я – собственноручно, – тоже шепчу в ответ, отчего кажется, что воздух между нами стал на несколько градусов выше. – И хочешь узнать ещё один факт обо мне?

Дожидаюсь её короткого кивка и продолжаю намеренно запугивать:

– Мне это очень нравится.

Кассандра едва слышно сглатывает, не сводя с меня своих глаз цвета горького миндаля с примесью эспрессо. Так забавно, этот плод содержит цианид, пусть и в малых дозах. Но её глаза... Они всегда оказывали на меня смертельно-токсичное воздействие. Вот и сейчас меня снова начинает кружить в их бездонной мрачной глубине. Или за это нужно сказать «спасибо» вину?

Через секунду ощущаю, как по моей щеке уверенно прохладная ладонь.

– Это я сделала тебя таким?

Я смотрю в эти два миндальных зеркала, и во мне что-то незримо ломается. Точно так же она смотрела на меня, когда признавалась в любви на нашем собственном языке.

Стоп-стоп, пора остановить этот хаос в своей голове. Так или иначе, у нас снова всё сводится сразу к двум запретным темам: «о нас» и «о прошлом».

– Нет, Кэсси, не принимай на свой счёт, – я резко отстраняюсь и, вернувшись обратно на свой стул, выливаю себе остатки вина. Моя собутыльница почти не пьёт, путешествуя по мне своим испытующим взглядом. – Лучше расскажи, как у тебя успехи в учёбе? Чем планируешь заниматься? – искусно перевожу тему, делая небольшой глоток.

Она подозрительно сужает глаза:

– Ты забыл о том, что Кассандра Агилар, которая получала образование в Аризонском университете, трагически погибла? На неизвестный период у меня нет ни прежнего образования, ни дома, ни имени. Так что давай не будем «о будущем»? Сам же нарушил правило.

Пока не хочу разрушать нашу идиллию той новостью, что этот период будет не просто неизвестным, а вечным. Сейчас меня почему-то тянет только улыбаться. Страшно признавать, но мне дико нравится эта язвительная версия Кэсси. Она повзрослела, похорошела и стала более дерзкой. Конечно, в ней и тогда изредка проявлялись такие черты. Например, когда она метнула в меня нож или запихивала снег за шиворот той девицы в Солт-Лейк-Сити. Но чаще всего она была сдержанной и закрытой. Я всегда принимал эти черты за особенность её темперамента, но, может, я в чём-то ошибся и не разглядел за этим другое? Страх? Почему она оказалась такой слабачкой и пошла к Шейну?

Кассандра, по всей видимости, не выдерживает моего напряжённого взгляда и выбирается из-за стола, по пути взяв пульт от домашнего кинотеатра. Женственно покачивая бёдрами, до середины закрытыми моей рубашкой, она уходит к дивану в гостиной и с комфортом устраивается на нём, подгибая под себя ножки. Она абсолютно не стесняется здесь хозяйничать, и это мне тоже безумно нравится. Выпитое вино делает меня подобревшим до такой степени, что я на секунду представляю её в нашем общем доме совсем на других правах. Глупо, но никто же не узнает об этом кроме меня?

Расслабленно перекинув одну руку через спинку стула, наблюдаю за тем, как Кэсси щёлкает кнопкой пульта, пытаюсь выбрать что-то из фильмотеки. Ставлю штуку баксов на то, что она даже не читает названий. Классная у нас игра под названием: «Давай сделаем вид, что не хотим друг друга».

Ухмыльнувшись, выхожу на террасу, чтобы подышать ночным воздухом. Здесь он особенный: прохлада и свежесть, приправленная солью. Убрав руки в карманы, закрываю глаза и делаю глубокие вдохи и выдохи, чтобы продлить такое редкое спокойствие, насладиться несколькими минутами безмятежности и разложить по полочкам свои мысли. Прихожу, конечно же, к неутешительному итогу. Первое: я по-прежнему люблю эту егору. Второе: она тоже любит меня. И третье, самое пугающее: кажется, мне плевать на то, что было или не было у неё с Шейном.

Видимо, я простоял на улице дольше, чем ожидал, потому что, вернувшись в дом, застаю свою распутную гостью спящей. Неслышно подхожу ближе и приседаю на корточки, оказываясь в опасной близости от её лица. Кэсси лежит на боку, подложив ладошку под щёку, от чего

её губки собираются в смешной бантик, так и манящий его поцеловать. Не удержавшись, аккуратно убираю локон, упавший на её лоб, а заодно провожу пальцами по её нежной коже.

– Брайан... – бормочет она моё имя в полудрёме, а я, улыбнувшись, только и надеюсь, что там я не дам ей покоя, как и она не даёт его мне.

Игра «Давай сделаем вид» продолжается.

ГЛАВА 8 ЖУЧОК

Брайан

Вчера, укрыв Кэсси пледом, я долго сидел рядом с ней и думал, когда рассказать ей отвратительную правду о том, что по факту её уже действительно не существует, и этот процесс необратимый. В АНБ считают, что она действительно была в той сгоревшей машине, и я просто не успел опередить людей Дона. В нашем деле так бывает, и это вполне штатная ситуация. Программа защиты свидетелей, конечно, проект мощный, но не всегда реализуемый из-за бюрократических проволочек и отсутствия времени.

Достаточно вспомнить несколько таких случаев, когда я выезжал на мафиозные разборки в числе людей Робертса. Во время перестрелки не разбираются, кто – преступник, а кто – случайная жертва, попавшая под раздачу. Участник спецоперации никоим образом не должен выдать себя, поэтому, конечно, никаких холостых патронов, так как в данный момент я такой же член преступной группировки, как и все остальные.

Больше нельзя затягивать с операцией, особенно в нынешних условиях, когда Мэддок начал представлять реальную угрозу. Сегодня возвращается Дон, и мне любой ценой нужно решить вопрос с жучком. И речь не о его кабинете или доме в целом. Прослушка должна быть в непосредственной близости от Ларри Робертса круглые сутки. Я долго думал о том, как провернуть это почти нереальное дельце, но всё оказалось куда проще. Осталось только реализовать мою идею на практике. Как ни странно, на неё меня натолкнула Кассандра.

Я видел в мусорном ведре вскрытую упаковку оттого контрацептива, и, пока вчера пылился на спящую Кэсси, во мне заезженной пластинкой крутились одни и те же вопросы. Почему я не вижу в ней ненависти после своего указа выпить его? Почему я впервые так сильно хочу, чтобы она пошла наперекор мне и ослушалась?

Именно в тот момент меня осенила идея, как и куда засунуть жучок.

Утром я съездил в аптеку, потом на свою секретную квартиру, в которой есть все необходимое для моих махинаций, и немного похимичил как с таблеткой, так и с блистером. Результат меня удовлетворил: никаких вмешательств не видно. Даже если идея окажется провальной, и Дон сожрёт жучок, он ничего не заподозрит. Разве что с расстройством пищеварения сляжет, но это его проблемы.

Он всегда таскает препарат с собой в кармане. Точно помню, что на обеде перед нашим отъездом в Вашингтон Робертс только начал пить новую пачку, поэтому сразу вынимаю 3 лишние таблетки. Осталось самое сложное: подменить блистер ровно в тот момент, когда он вытащит свой.

Как только Ханна садится в мой рабочий BMW, немедленно перехожу к своей мини-спецоперации. Целую её в губы, одной рукой перебирая длинные волосы, а другой виртуозно просовывая блистер в боковой карман её сумки. Не поверите, чему ещё учат в спецслужбах...

– Ты уже не сердись на нас с Мэдом? – любопытствует Ханна с настороженностью в глазах.

– Твой брат болен, детка. Какие обиды? – надев солнечные очки, завожу движок и плавно трогаюсь с места.

Да, вчера я вроде как «оскорбился», выставив виноватым Мэддока, а заодно и Ханну, которая осточертела со своими претензиями. Такие способы манипулирования действуют на неё безотказно, и этот раз не стал исключением.

– Прости меня, Брай, – вкрадчиво произносит Робертс, укладывая свою руку на моё бедро.

Что и требовалось доказать: я заставил её чувствовать себя виноватой.

Переплетаю наши пальцы и молча целую тыльную сторону её ладони в знак того, что у нас всё в порядке. Девушка заметно расслабляется и шумно выдыхает с блаженной улыбкой на лице. Мне почти не стыдно. Я решил для себя, что цель оправдывает средства, так что долой сантименты.

На вилле Робертса всё по стандарту: Ханна ждёт рядом, пока я прохожу досмотр, и мы вместе двигаем в гостиную, куда нас провожает личный консьерж Дона. Сегодня с нами и Генри Купер, как обычно, одаривающий меня презрительным взглядом. Ему сорок пять, но по примеру Дона выглядит, как забальзамированный труп. Каменная маска, еле шевелящийся рот, и лишь глаза выдают его эмоции: меня он точно терпеть не может. Боится, что я займу его место? Не удивлюсь, если именно он – инициатор перепроверки судмедэкспертизы в морге.

Его присутствие здесь мне совсем не нравится. На наши семейные обеды его обычно не приглашают. Из этого следует, что сегодня предстоит какой-то внеплановый сбор.

– Ханна, посиди пока здесь до обеда. У нас мужской разговор, – подтверждая мои догадки, хрипит Робертс своей дочери и показывает мне рукой в сторону кабинета.

Подойдя к Ханне, целую её в щёку, ненароком проводя ладонью по её сумочке, и следуя за своими боссами.

Зайдя внутрь, мы с Купером ждём, пока Дон усядется на свой трон, и только потом садимся напротив. Последний раз я был здесь в тот день, когда получил приказ устранить Кассандру. Кажется, как будто это было целую вечность назад.

– У нас проблема, господа. В семье завелась большая и жирная крыса, – без всяких прелюдий начинает Робертс, переводя изучающий взгляд с меня на Генри и обратно.

Я пока терпеливо молчу, ожидая дальнейших слов, чтобы понять, к чему он клонит.

– Откуда информация? – первым интересуется Генри, вертя большим пальцем печатку с чёрным камнем. Его неизменное украшение. Вот кого я бы точно проверил на вшивость. Перстни и часы – самые популярные места для установки жучков, поэтому их не позволено носить никому из подчинённых, стоящих в иерархии ниже подручного.

– Вчера на передаче крупной партии фараоны устроили облаву. Моих солдат повязали, и одному уже успели развязать язык.

А вот эта новость меня уже заставляет подобаться. Какого хрена?

– Кому? – спрашиваю озабоченно. Дон любит, когда переживают за семейные дела.

– Вот сегодня и узнаешь. Я отвалил за эту шкуру приличную сумму. Его держат в нашем ангаре в Пасадене. Поедешь сегодня туда с Генри. Мне нужно знать, кто его заказчик и что он знает ещё.

– Меры? – задаю волнующий меня вопрос.

– Крайние, – кривит он свой рот в усмешке.

Обед проходит в привычном тягостном молчании. Обычно мне это нравится, но не сегодня, потому что в тишине все мои мысли заняты только предстоящим кровавым мероприятием. Раз Купер едет со мной, исход уже предreshён, а это значит, что на мне будет висеть ещё одна смерть. Да, солдаты сделают всю грязную работу, но моя задача куда сложнее, чем пустить пулю. Мне нужно разговорить человека, а для этого используются очень неприятные методы.

Как только в столовую заходит Кэнди, несущая поднос с графином, я быстро мобилизуюсь, чтобы проверить запланированный фокус. К тому моменту, когда Дон достаёт таблетки из внутреннего кармана своего пиджака, я уже вооружился ножом для масла, размазывая его по своему тосту. Девушка, как обычно, встаёт рядом со мной, плотно прижимаясь бедром к моему предплечью. Нож будто случайно соскальзывает и проходится прямо по моему пальцу. Я рефлекторно вскидываю руку с ножом, задевая её графин, стоящий прямо на подносе, и он, конечно, валится на бок. Вода расплёскивается частично на меня, частично на стол, но я сразу подрываюсь на ноги:

– Какого чёрта ты трёшься об меня своим задом, идиотка? – рявкаю я на Кэнди, выхватывая поднос из её руки, и сразу же ставлю его на стол поверх блистера, который Дон успел выложить на стол.

Подмену никто из присутствующих не замечает, обращая внимание только на то, как я отчитываю несчастную девушку, жестикулируя перед её носом другой рукой, из которой сочится кровь.

– Ладно-ладно, Хоук, уймись! – всплёскивает руками Дон. – Иди лучше сходи палец перебинтуй, а то своей кровью тут всё заляпаешь.

Смотрю на свою руку и, покорно кивнув, удаляюсь в уборную, в глубине души ликуя от проделанной работы.

До Пасадены мы с Купером едем каждый на своей машине. Солдаты уже должны быть в ангаре, поэтому нам оставалось заехать только за инструментами на базу клана. В специальном чёрном чемоданчике есть всё необходимое для выбивания информации практически из любого человека, который не сможет что-то сказать только в двух случаях: он изначально немой, ему отрежут язык, или он профессиональный шпион, который лучше сам себе откусит язык, чем что-то скажет. Второе обычно у нас любит делать садист Купер своими руками как истинный последователь своего босса. Я, как правило, начинаю с психологического давления. В некоторых случаях это бывает гораздо эффективнее физической силы и срабатывает быстро. Особенно, когда есть, на какую больную мозоль давить: почти любому человеку есть что терять, даже если своя жизнь кажется никчёмной.

Но когда мы переступаем порог ангара, мой железобетонный настрой даёт ощутимую трещину, потому что той самой шкурой, которую Робертс выкупил у копов, оказывается Халк.

ГЛАВА 9 ПАЛАЧ

Брайан

В воздухе витает металлический запах крови, пота и затхлости, к которому в моём сознании обычно примешиваются ещё и осязаемые оттенки чёрного. Да, даже у этого цвета я различаю разнотон. Каждый раз, когда я задействован в какой-либо боевой операции, моя психика, будто по щелчку, переключает цвет транслируемого изображения.

Это защитная реакция организма на вторжение извне, которая запускается уже автоматически, помогая мне сохранять хладнокровие. Таким трюкам нас обучали на спецподготовке в течение длительного времени. Единственное, со мной проходило не всё гладко: я прекрасно осознавал, что с нами делали.

Будущих агентов по очереди усаживали перед экраном, на котором транслировались слайды с фотографиями из разнообразных тематик. Так, после серии снимков леса, моря или гор могла появиться карточка с изображением расчленённого или обезображенного трупа. За весь сеанс демонстрировалось больше тысячи снимков, разбавляемых в определённый момент чёрной вспышкой. Её длительность такова, что мозг здорового человека просто не в состоянии её зафиксировать, но я, похоже, отличился ещё в момент своего рождения, потому что видел её каждый долбаный раз.

Я не мог так просто сдаться из-за своего «дефекта». Мне нельзя было выделяться на фоне остальных курсантов, иначе я получил бы пинок под зад.

Когда стало очевидным, что я не поддаюсь никакому внушению, научился самостоятельно включаться в эту игру с разумом, пока не довёл приём с чёрным цветом до автоматизма, представляя его в виде банальной ассоциативной связи. Смерть окрашена в цвет тьмы. Это простейшая маска, которая позволяет скрыть за собой всё, что угодно, и выглядит она в моём мозгу примерно, как часть засвеченной плёнки для старого фотоаппарата. Вроде бы знаешь, что за этим пятном что-то было, но уже не помнишь, что именно. Боец, чутко воспринимающий кровь на своих руках, рано или поздно свихнётся, поэтому так важно возводить подобные заслоны.

Мама рассказывала, что из-за недоношенности мне пророчили слабоумие или инвалидность, но даже здесь я поступил по-своему и наперекор всем прогнозам стал опережать своих сверстников по развитию. Не считаю себя долбаным гением, но странности в своём мышлении то и дело подмечал. Складывание, деление и умножение многозначных чисел в уме? Легко. В семь лет? Без проблем. Но в школе я всё равно выписывал в тетради решения столбиком, чтобы оставить этот секрет при себе. Куда больше мне нравилось познавать истинную сущность людей через свои дотошные наблюдения. А это было возможно только в одном случае: я непременно должен был стать лидером, чтобы собрать вокруг себя толпу. Мне нравилась эта игра: быть своим среди чужих.

Но самую большую странность я ощутил в день встречи с Кассандрой. У меня будто открылся третий глаз, которым я стал видеть то, что скрывалось от меня раньше: присутствие родственной души. Я не знаю, как иначе назвать то сверхчувственное восприятие, которое стало преобладать во мне с появлением этой девушки в моей жизни. С ней мой мир цветной, без неё – нет... Пожалуй, только недавно я осознал, что без Кэсси я находился во внушённом двадцать пятом кадре длиной в восемь лет.

Присутствие в этом месте попыток для меня не ново, но, когда предстоит убить того, кому смерти совсем не желаешь, все навязанные самому себе установки летят прахом. Вот и сейчас мой рассудок снова играет со мной злую шутку, не подключая привычный «зомби-цвет» и лишая меня необходимой сейчас агрессии и ненависти. Такой, при которой одним взглядом можно подкосить человека и заставить его обоссаться от страха.

Бен достоин большего, чем стать частью засвеченной плёнки на кадрах моей жизни. В этом кроется ответ моего провала.

Он сидит на стуле с опущенной головой. Грязный, в равной одежде, с многочисленными кровоподтёками на лице и ссадинами на руках. Его уже начали «готовить» к нашему приезду. Широким уверенным шагом подхожу к столу, который стоит перед Халком и кладу на него тот самый кейс. Купер остаётся стоять в паре метров от нас в качестве наблюдателя, а ещё пятеро упырей кучкуются в углу, организовав там курилку.

Не знаю, чего ожидать от нашей «беседы», и, по большому счёту, настраиваюсь на то, что прямо сейчас Бен меня заложит. Завалить всех? Нет ничего проще, когда у тебя в нижнем отделении «чемоданчика смерти» есть взрывчатка, тротилового эквивалента которой будет достаточно, чтобы разнести к чертям всё здание. Увы, вместе со мной.

Страшно ли мне умирать?

Нет.

Есть, правда, несколько сожалений, касающиеся одного человека...

– Объяснишь сам или мне сразу перейти к неприятным вещам? – Сцепив ладони в замок, деловито укладываю их на столешницу.

Когда Халк поднимает ко мне своё окровавленное лицо, мои сомнения вмиг рассеиваются. Он не выдаст меня. Смирение в его пронизательном взгляде кричит о том, что он готов к тому, что будет происходить дальше, ведь он не раз и сам присутствовал при подобных «процедурах».

– Мне нечего сказать, – спокойно отвечает он. – Делай, что должен, Хоук. – И, дерзко ухмыльнувшись, смачно плюёт в меня.

Показательно медленно вытираю его плевок со лба рукавом, соорудив каменное лицо. Прекрасно знаю, что он сейчас делает: облегчает мне работу, давая добро на мои дальнейшие действия. Выпрямившись во весь рост, с подчёркнутым спокойствием достаю свой револьвер из левой кобуры, и, не тратя времени на долгие раздумья, стреляю Халку в ногу. После затухания эха громкого выстрела в ангаре слышно только его сдавленное мычание.

Пристёгивать на заданиях две кобуры с оружием стало моей неизменной привычкой, которая сегодня очень пригодилась. Выпущенная в Бена пуля покрыта растворимой оболочкой с ударной дозой мощного анестетика. И сейчас это меньшее, что я мог для него сделать в надежде, что он хотя бы не почувствует того, что последует потом. Мне самому ни разу не приходилось прибегать к такому обезболиванию, но первоклассный оперативник, который натаскивал меня на огневой подготовке, настаивал на нём. *«Когда знаешь, что загнан в тупик, лучшие засади себе пулю сам».*

Из раздробленного бедра хлыщет кровь, на лице гримаса боли, а всё, что сейчас в моей власти – это потянуть время до того, как подействует наркоз. Если бы выстрелил сразу в голову или сердце, было бы ещё проще, но тогда меня бы не понял Купер. Здесь так не принято. Изощрённые и длительные пытки – вот визитная карточка клана Робертса.

– Говори, Халк, – угрожающе продолжаю я, прицеливаясь в другое бедро. – Ты же знаешь, что легко не будет.

– Легко не будет при любом раскладе, – скалится он, обнажая зубы, обагрённые кровью.

– Кому ты слил партию оружия? Имя.

Мы оба знаем, кто знал об этой передаче, но он точно не признается. Особенно теперь. Халк понимает, что он – не жилец, а я единственный, кто заинтересован в крахе клана. Если замочат нас обоих, то его личная вендетта так и не будет доведена до конца.

– А ты угадай, – цедит Бен.

– Не вижу повода для ненужных церемоний, Хоук, – вмешивается Купер, вставая рядом, и опускает мою руку с пистолетом. Как на зло, именно сегодня он решил включиться в дело раньше.

С маньячным оскалом он достаёт из кармана медицинские латексные перчатки и, надев их, нажимает на защёлки кейса. Открыв крышку, разворачивает его в сторону Халка, и злобно предлагает:

– Выбирай, с чего начать.

Мой приятель сидит, сжав челюсти, и храбро смотрит в его глаза. Упрямо молчит.

– Что ж... – не дождавшись ответа, Купер, машет отморожкам, стоящим в углу.

Те сразу подходят в ожидании дальнейших инструкций, а внутри меня начинает разрастаться леденящее чувство – предвестник неминуемой смерти. Но я продолжаю стоять и смотреть с застывшей маской такого же уродца, как и они.

– Руки на стол, – командует Генри, и двое солдат кидаются исполнять его приказ.

Они развязывают пленника и прижимают обе его руки к столу, но надобности в этом точно никакой нет. Он не сопротивляется.

Купер достаёт из кейса нейлер и, не прицеливаясь, двумя нажатиями пригвозждает ладони Халка к столешнице. Он опускает голову и не издаёт ни звука. Надеюсь, он не испытывает мук и просто закрыл глаза, думая о чём-нибудь хорошем. Генри подходит к нему и, вцепившись в волосы, откидывает его голову назад.

– Смотри сюда, сука! Кто ещё с тобой? Или ты думаешь, мы такие кретины и не в силах понять, что одному такую аферу не провернуть?

Халк распахивает глаза и начинает громко хохотать в лицо злоющему Куперу. Я усаживаюсь на край стола вплотную к нему, делая вид, что крайне озабочен этим унижительным вопросом.

– Лучше бы тебе заговорить, – скрежещет зубами Генри.

– А то что?

– Твоя смерть наступит быстрее, идиот! – мой голос гремит на весь ангар пустым звуком. Это не требование, а возможность дать ему ещё хотя бы полминуты.

– Предпочитаю продлить удовольствие. – Бен слегка растягивает речь. Значит, анестезия подействовала...

Злобно выпятив нижнюю челюсть, Генри молча хватается из кейса топорик и по-варварски наносит один размашистый удар, отсекая сразу несколько пальцев на ладони Халка. Он зажмуривается, а у меня покрываются наледью все внутренние органы разом. Какая же он мразь.

– А так, гадёныш? – орёт подручный.

Не дождавшись ответа, он повторяет то же самое с другой ладонью. Мой напарник шумно дышит через нос, так и не открывая глаз. *Не смотри, Халк. Не смотри.*

Следом Купер выуживает из кейса металлический обруч и, грубо насадив на голову Халка, затягивает его на одну ступень. Генри, как заведённый, продолжает задавать один и тот же вопрос, но, так и не дожидаясь ответа, затягивает обруч всё туже и туже. Постепенное сдавливание черепа должно вызывать невыносимую боль, и я очень надеюсь, что эта пытка быстро прекратится из-за потери сознания.

Бен начинает оседать на стуле. Его тело сдаётся раньше, чем он сам, а я продолжаю смотреть в глаза чужой смерти, снова и снова напоминая себе цель своего нахождения в этом гадюшнике. В нос ударяет тошнотворный запах крови, но я не имею права отворачиваться.

Пусть Халк знает, что я был с ним до самого конца.

ГЛАВА 10 СДЕЛКА

Несколько дней назад...

Брайан

Ступаю по ковру из свежескошенного газона, наслаждаясь тишиной. Сегодня царит настоящий зной, и солнце палит нещадно с самого утра, вызывая дискомфорт из-за пота, противной струйкой сбегаящего по спине. Но даже несмотря на это здесь я всегда чувствую умиротворение и спокойствие. Обязательно прихожу в будни, когда на кладбище почти никого нет, чтобы насладиться безмолвием по полной программе и получить свою дозу человечности. Удивительно, но это место с энергетикой скорби и смерти помогает не забывать мне о том, что я человек. Пусть и довольно странный, ведь вместо того, чтобы исцелять душу у какого-нибудь новомодного мозгоправа, я занимаюсь этим здесь.

Среди тысяч серых надгробий, кажущихся издалека безликими копиями друг друга, всегда безошибочно угадываю два нужных мне.

– Ну, привет, красавчики, – улыбнувшись, присаживаюсь на корточки и кладу цветы посередине между ними. Мама любила белые лилии, а папа вряд ли оценил бы такое подношение. Вот пусть сами там и разбираются, кому они достанутся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.